Bazarov, I.

О ХРИСТІАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

ПРОТОІЕРЕЯ І. БАЗАРОВА.

КАРЛСРУЭ.
ВЪ ПРИДВОРНОЙ ТИПОГРАФІИ В. ГАСПЕРА.
1860.

MLCS 92/16838

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.

21 Мая 1860.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

92-196527
QEφI

О ХРИСТІАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, занимающихъ умы людей, а для многихъ составляющихъ задачу жизни, вопросъ о воспитаніи долженъ бы менѣе всѣхъ подвергаться разногласію мнѣній: потому что всѣ согласны въ томъ, что воспитывать должно *для жизни.* Уже самое слово *воспитаніе* заключаетъ въ себѣ этотъ смыслъ, обнимая собою вдругъ обѣ области, въ которыхъ развивается человѣкъ, существо тѣлесно-духовное. *Питаніе* также нужно и для души, какъ и для тѣла: ибо *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Мат. IV, 4). Но отчего же опытъ показываетъ намъ, съ одной стороны, столько ошибокъ въ самомъ воспитаніи, а съ другой — столько стараній помочь этимъ недостаткамъ? Сколько системъ самыхъ замысловатыхъ, сколько методъ самыхъ странныхъ было выдумано и испытано, только бы достигнуть цѣли, носившейся большею частію темно передъ глазами учителей воспитанія! Но цѣль эта не давалась въ руки, убѣгая отъ искателей по мѣрѣ приближенія къ оной. Наконецъ, какъ бы утомленный

такимъ безплоднымъ исканіемъ, знаменитый мыслитель своего вѣка, Руссо, вздумалъ бросить своего воспитанника на произволъ судьбы и тѣмъ думалъ разрѣшить задачу воспитанія. А между тѣмъ не нужно бы было ни этой долгой борьбы ума, ни столькихъ напряженныхъ попытокъ доброй воли, чтобы открыть способъ воспитанія, ведущій *прямо* къ цѣли, если бы только люди знали, гдѣ найти этотъ кладъ, сокрытый для глазъ ослѣпленныхъ мудростію земною, но ясно видимый свѣтлыми очами вѣры. Христіанство давно уже открыло, что назначеніе человѣка не ограничивается одною земною жизнію, но простирается далеко за предѣлы гроба въ безконечность. По этому и воспитаніе должно идти сообразно съ этимъ двоякимъ назначеніемъ человѣка.

Разсматривая ученыя системы педагогіи, мы найдемъ, что главная причина ихъ несовершенства состоитъ именно въ недостаткѣ начала христіанскаго. Люди, считая себя учениками Іисуса Христа, какъ будто прослышали слова Его: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мат. XVI, 26). То, что дѣйствительно составляетъ для человѣка *единое на потребу* (Лук. X, 42), упущено изъ виду, и правило, предписанное самимъ Богомъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мат. VI, 33), превращено на-оборотъ. Не удивительно, что при такомъ заблужденіи самыя благонамѣренныя усилія воспитанія оставались безуспѣшными. А между тѣмъ стоитъ только внимательно посмотрѣть на человѣка въ его естественномъ развитіи, чтобы понять, что одно только христіанское начало и приложимо къ его природѣ. Людямъ, привыкшимъ смотрѣть на педагогію, какъ науку, конечно можетъ показаться страннымъ, что разрѣшеніе задачи

воспитанія вырывается изъ рукъ ихъ и представляется, какъ нѣчто данное, какъ догматъ. Но такой взглядъ слишкомъ ограниченъ для того, чтобы понять вполнѣ самую задачу воспитанія. Наука впала бы въ крайнее заблужденіе, еслибы стала искать цѣли своей въ себѣ самой. Въ мірѣ нравственномъ нѣтъ другой цѣли ни для жизни, ни для дѣятельности, какъ только въ Богѣ. И потому мы напрасно стали бы искать въ себѣ или внѣ себя другой цѣли нашего бытія на землѣ, кромѣ той единой, которую мы *обязаны* принять за несомнѣнную, какъ христіане. Въ этомъ отношеніи ничто не должно и не можетъ поколебать нашего убѣжденія. Пусть ученые строили и строятъ свои системы воспитанія на психологическихъ началахъ; пусть другіе стараются сковать цѣпь мнѣній о воспитаніи изъ заржавленныхъ осколковъ языческаго міра и насильно прицѣпить къ нимъ чистыя христіанскія понятія. Намъ не должно забывать, что мы живемъ въ новомъ мірѣ. Ученіе Христово составляетъ для насъ теперь новый воздухъ, которымъ мы дышемъ, который окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, который проникаетъ всѣ отношенія нашей жизни и часто, безъ яснаго сознанія о томъ съ нашей стороны, обнаруживаетъ свое благодѣтельное вліяніе на наши мысли, чувствованія и дѣйствія. Мы сильно обманываемся, если думаемъ, что можемъ теперь философствовать независимо отъ христіанства. А потому и въ понятіяхъ нашихъ о воспитаніи мы не смѣемъ уклоняться отъ этой всеобъемлющей силы христіанства, подъ вліяніемъ котораго мы раждаемся, живемъ и умираемъ.

Чему же учитъ насъ христіанство? Оно учитъ насъ въ этомъ отношеніи тому, что наша естественная, удаленная отъ Бога, жизнь есть *смерть*, и что если мы хотимъ жить истинно, то жизнь наша должна

быть *духовная* (Іоан. III, 5), жизнь въ Богѣ, отъ Котораго одного мы можемъ получить наше истинное *питаніе* (Іоан. VI, 55). Оно прямо говоритъ намъ, что мы должны для сего отказаться отъ нашей плотской жизни и идти во слѣдъ нашего Спасителя, хотя бы то стоило намъ болѣзней распятія на крестѣ (Лук. IX, 23). Конечно, для многихъ *жестко слово сіе*, и кто можетъ отъ всего сердца послушать его? А между тѣмъ вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ это слово царствуетъ на землѣ, распространяясь болѣе и болѣе и проникая собою всѣ отношенія человѣка, его жизнь гражданскую и семейную. Что же должно это доказывать человѣку, не проникнутому до глубины души истиною христіанства? То, что *нѣтъ* другаго *имени* ни на небеси, ни на земли, *о немъ же* можно *спастиси,* кромѣ имени Христа Спасителя, и что ученіе Христово есть единый путь, который ведетъ человѣка по земли къ небу. Путь этотъ знакомъ каждому изъ насъ даже прежде, чѣмъ мы вступаемъ на него: потому что онъ идетъ прямо изъ нашего сердца. Мы сбились съ него только грѣхомъ, и когда Божественный Руководитель нашъ открываетъ оный снова предъ нашими глазами, мы чувствуемъ въ душѣ то самое спокойствіе, какое только можетъ ощущать странникъ, сбившійся съ дороги и снова выведенный на оную благодѣтельною рукою. Путь этотъ есть путь *вѣры*, путь безъусловной довѣренности и проистекающаго оттуда дѣтскаго повиновенія закону Божію. Было время, когда человѣкъ ясно видѣлъ, къ какому блаженству ведетъ этотъ путь. Но оно продолжалось не долго. Съ первымъ паденіемъ помрачилось это ясное зрѣніе въ человѣкѣ, и теперь ему нужно много усилій, чтобы снова прозрѣть въ эту, нѣкогда родную,

даль сквозь туманную атмосферу житейскихъ заботъ и наслажденій.

Нравственное паденіе человѣка очень хорошо можно сравнить съ внезапнымъ разрушеніемъ какого-либо великолѣпнаго зданія. Одна минута такого несчастія превращаетъ въ груды обломковъ самое изящное произведеніе генія. Въ природѣ человѣка также произошелъ ужасный безпорядокъ въ слѣдъ за его паденіемъ. Но какъ нерѣдко самыя развалины, спустя долгое время, еще свидѣтельствуютъ о великолѣпіи разрушившагося зданія, такъ и въ человѣкѣ среди самаго безпорядка его внутренней жизни проглядываютъ еще слѣды его прежняго совершенства. И какъ въ области археологіи часто достаточно бываетъ умѣнья и вниманія знатока, чтобы по однимъ обломкамъ опредѣлить первоначальный видъ цѣлаго зданія, такъ и въ человѣческой природѣ нуженъ только свѣтильникъ Слова Божія, чтобы отыскать въ ней слѣды первобытнаго величія и по нимъ опредѣлить то состояніе, въ которое долженъ быть возведенъ человѣкъ по плану возсоздавшаго его Зодчаго. Въ этихъ данныхъ мы увидимъ ясно, какъ новыя формы христіанства суть только возстановленіе первоначальнаго зодчества, и какъ новая жизнь во Христѣ есть только возведеніе насъ въ первобытное состояніе.

И такъ, въ какомъ видѣ представляется намъ теперь человѣкъ? Мы видимъ въ немъ страшную смѣсь добра и зла: съ одной стороны, благородные порывы души ко всему великому и изящному, съ другой — влеченіе къ земному, погруженіе въ чувственность. Но какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ основаніе остается одно и то же: это — нравственный характеръ дѣйствій. Когда въ людяхъ теряется это начало жизни, они перестаютъ быть людьми, *при-*

мѣняются скотомъ безсмысленнымъ, дѣлаются *плотію*, и Духъ Божій не можетъ болѣе пребывать въ нихъ (Быт. VI, 3). Земля не можетъ болѣе носить на себѣ такое развращенное твореніе Божіе, и воды потопа устремляются отъ лица гнѣва Божія на истребленіе рода нечестиваго. Доколѣ же паденіе человѣка не такъ глубоко, не такъ совершенно, онъ еще носитъ на себѣ отпечатокъ прежней правоты своей природы среди самаго разстройства внутренней жизни. Такимъ образомъ въ самыхъ естественныхъ, самыхъ прирожденныхъ стремленіяхъ его высказывается ясно основное начало его природы.

По двоякому составу человѣка изъ души и тѣла, мы приписываемъ ему нѣкоторые, такъ называемые, инстинкты, общіе съ прочими животными. Но при внимательномъ разсмотрѣніи такихъ безотчетныхъ стремленій въ человѣкѣ, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ они далеко превышаютъ по своему содержанію подобныя имъ стремленія въ животныхъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что чувство самосохраненія въ человѣкѣ ничѣмъ не разнится отъ такого же чувства во всѣхъ прочихъ животныхъ. Но, вникая глубже въ это чувство у человѣка, мы замѣчаемъ въ немъ извѣстнаго рода *стремленіе* къ жизни, и притомъ озаряемое разумомъ. Уже по одному этому любовь къ жизни въ человѣкѣ выходитъ изъ области животности и принимаетъ характеръ нравственный.

Любовь, какъ безъотчетное влеченіе, также можетъ назваться чувствомъ общимъ намъ со многими животными. Но для сердца человѣческаго любовь, какъ чувство наслажденія преходящаго, не есть любовь въ собственномъ смыслѣ. Это — только удовлетвореніе пожеланій. Стремленія сердца находятъ

себѣ услажденіе только въ нескончаемомъ преслѣдованіи цѣли своихъ исканій. Исчерпываемое наслажденіе есть совпаденіе стремленія съ концемъ онаго. Не того ищетъ наше сердце въ любви.

Но чего ищетъ душа наша въ своихъ стремленіяхъ, того она не находитъ и не можетъ найти въ мірѣ тѣлесномъ, гдѣ все имѣетъ свой конецъ, гдѣ самыя стремленія ея разбиваются, приражаясь къ грубымъ цѣлямъ. Выше должна вознестись душа, ища удовлетворенія своимъ желаніямъ; выше должно искать сердце предмета для любви. Гдѣ-же найдетъ оно его? Только въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ духовномъ, наконецъ въ томъ предвѣчномъ, недостижимомъ Духѣ любви, который самъ *любы* есть, — въ Богѣ. И дѣйствительно, сердце человѣческое ищетъ Бога, ищетъ Его во всемъ, куда только ни направляетъ свое стремленіе. Иначе чѣмъ объяснить эту ненасытимую жажду наслажденій въ человѣкѣ? Сердце ищетъ вѣчнаго, даже само не подозрѣвая того.

Но въ то время, какъ цѣлая жизнь человѣка проходитъ въ этомъ непрестанномъ исканіи, опытъ всѣхъ вѣковъ ясно доказываетъ, что ни одно изъ земныхъ наслажденій не только не удовлетворяетъ сердца человѣческаго, но еще болѣе увеличиваетъ напряженность его стремленій къ чему-то высшему, всегда недостижимому. Въ такомъ положеніи самый разумъ долженъ бы внушить человѣку всю безразсудность его исканій. Но отъ того не легче бѣдному сердцу. Напрасно человѣкъ, слѣдуя своему разуму, старается иногда облагороживать свои стремленія; всѣ они, имѣя цѣлію временное, оканчиваются разочарованіями, и неудовлетворенное сердце страдаетъ по прежнему. И вотъ причина, отъ чего слышится такъ много жалобъ на пустоту жизни, на суетность нашего бытія

на землѣ, гдѣ однакожь поставилъ насъ Богъ для жизни!

Какое-же послѣ сего странное существо человѣкъ! Рожденный на землѣ, поставленный жить на землѣ, онъ не смѣетъ привязаться ни къ чему земному, безъ опасенія обмануться въ своихъ привязанностяхъ. Оторваться отъ всего и жить безъ цѣли онъ не можетъ: потому что это противно природѣ души его, для которой стремленіе къ цѣли есть жизнь. Но и остановиться на чѣмъ-нибудь вокругъ себя онъ не смѣетъ: потому что, прежде чѣмъ достигнетъ предмета своихъ исканій, онъ уже разоблачается предъ нимъ отъ своихъ приманчивыхъ красокъ, и существенность увѣряетъ его только въ ошибкѣ его исканій. Борьба съ такими противорѣчіями есть исторія всего человѣчества. И неужели всему этому одинъ конецъ на землѣ — смерть? Для чего же тогда и родится человѣкъ на свѣтъ? Какое назначеніе его на землѣ?

Вопросъ этотъ поведетъ насъ къ новому взгляду на человѣка. Разсматривая его жизнь во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, мы не находимъ нигдѣ такого положенія, на которомъ мы могли бы остановиться и сказать: вотъ для чего человѣкъ родится и живетъ на землѣ! Развѣ допустить, что самая жизнь есть цѣль, для которой родится человѣкъ? Мы же думаемъ, что наслажденіе жизнію есть достаточная цѣль бытія прочихъ существъ одушевленныхъ. Но, во-первыхъ, жизнь человѣка — не то, что жизнь животнаго. А потомъ спросимъ самый опытъ, дѣйствительно ли всѣ люди достигаютъ цѣли своей жизни на землѣ, если эта цѣль должна состоять въ наслажденіи жизнію? Не страдаетъ ли большая часть людей цѣлую жизнь свою отъ лишеній, отъ болѣзней, отъ скорбей! Не найдутся ли тысячи людей, которымъ жизнь въ тя-

гость? Да и самое, такъ-называемое, наслажденіе жизнію не есть ли скорѣе отрава жизни? Что это дѣйствительно такъ, ясно доказываетъ самый опытъ. Мы видимъ, что люди, предающіеся житейскимъ наслажденіямъ, живутъ въ непрестанномъ безпокойствѣ, перебѣгая отъ одного наслажденія къ другому, мѣняя одно удовольствіе на другое, — явный знакъ обманчивости подобныхъ наслажденій. А это и должно насъ увѣрить, что цѣль жизни не состоитъ во временномъ наслажденіи жизнію, а тѣмъ менѣе въ скорбяхъ жизни, которыми обременена большая часть человѣчества.

Посему станемъ искать назначенія человѣка за предѣлами временнаго бытія его. Тамъ, въ другой жизни, въ новомъ нескончаемомъ бытіи, ожидаетъ насъ нѣчто лучшее, болѣе постоянное, вѣрное. При одной этой мысли не успокоивается ли наше сердце? Не чувствуетъ ли оно, что стремленія его къ безконечному наслажденію могутъ осуществиться только тамъ, гдѣ нѣтъ конца удовлетворенію его потребностямъ? Зачѣмъ же человѣкъ не ищетъ пути къ достиженію этой послѣдней цѣли своего бытія? Почему останавливается онъ на распутіяхъ, и какъ бы въ усталости такъ безпечно и такъ крѣпко прилегаетъ къ землѣ? Очевидно за тѣмъ и потому, что падшій человѣкъ имѣетъ только неопредѣленное чутье жизни загробной. Ему темно за этимъ предѣломъ; и оттого напрасно сердце его рвется къ вѣчному: слѣпой разумъ не можетъ указать ему пути къ нему. И долго длилась эта борьба между сердцемъ и умомъ, пока наконецъ не возсіялъ съ неба свѣтъ, *просвѣщающій* нынѣ *всякаго человѣка грядущаго въ міръ;* этотъ свѣтъ разогналъ тьму ночную, въ которую былъ погруженъ разумъ, и сердце человѣческое забилось

радостію при видѣ давно желанной цѣли. Іисусъ Христосъ провозгласилъ жизнь вѣчную, какъ назначеніе человѣка; и не только провозгласилъ, но и осуществилъ оную предъ глазами всего свѣта, воскреснувъ Самъ отъ мертвыхъ, и ставъ живъ по смерти на землѣ. Его воскресеніе сдѣлалось началомъ благовѣстія о вѣчной жизни для всего человѣчества.

Но, вглядываясь въ эту нескончаемую даль нашего бытія, не должны ли мы съ трепетомъ въ душѣ спросить себя самихъ: чего ожидать намъ для себя въ самой вѣчности? Сердце наше, конечно, отвѣтитъ на это: вѣчнаго блаженства, потому что наслажденіе есть потребность сердца, и разумъ, какъ адвокатъ сердца, подтвердитъ то же, но произнесетъ и справедливый приговоръ: „только подъ условіемъ.“ Какія же это условія? Разумъ на это не отвѣчаетъ, потому что не онъ указалъ намъ эту цѣль, не ему судить и объ условіяхъ достиженія оной. Одинъ только Тотъ, Кто просвѣтилъ насъ этою истиною, Нашъ Спаситель и Богъ, можетъ поставлять намъ условія свои въ законъ, и только чрезъ соблюденіе этого закона мы и можемъ достигнуть обѣщаннаго блаженства. Условіе это есть всецѣлое послушаніе ума нашего Слову Божію, всесовершенная преданность сердца волѣ Божіей и несомнѣнное упованіе на милость Божію, — однимъ словомъ — наша вѣра, споспѣшествуемая любовію и окриляемая надеждою. Только этимъ путемъ можетъ человѣкъ идти вѣрно къ цѣли своего истиннаго наслажденія, и только этотъ путь сообразенъ и съ его природою. Здѣсь только примиряется то разногласіе, та борьба между сердцемъ и разумомъ человѣка, которыя сопровождаютъ его на всѣхъ другихъ распутіяхъ жизни.

Послѣ этого становится понятнымъ, въ какую бездну несчастія, бѣдствій и погибели ввергается всякій человѣкъ, не идущій по пути, указанному Богомъ! Какъ далеко онъ отклоняется отъ своего назначенія, лишь только упускаетъ изъ виду ту путеводную звѣзду, которая зажжена для него Богомъ въ Откровеніи. Чтобы увидѣть это въ разительныхъ чертахъ, взглянемъ теперь на картину естественнаго развитія человѣка. Это будетъ послѣднею ступенью, которая приведетъ насъ прямо къ цѣли настоящаго нашего изслѣдованія.

Что разумѣется подъ именемъ *развитія* вообще? Мы говоримъ: изъ почки развивается цвѣтокъ, изъ сѣмени — растеніе. Стало быть, развитіемъ мы называемъ естественный процессъ жизни животной. Можно ли въ этомъ смыслѣ говорить и о развитіи человѣка? Безъ сомнѣнія, можно. И человѣкъ есть также членъ природы; и онъ подлежитъ тѣмъ же творческимъ законамъ бытія. Самая духовная жизнь его развивается сначала безъ собственнаго его содѣйствія, и такимъ образомъ даже съ этой стороны человѣкъ подчиненъ необходимому закону своей природы. Эта необходимость нисколько не мѣшаетъ ему быть существомъ свободнымъ; напротивъ, это доказываетъ намъ только то, что человѣкъ, по намѣренію Творца Своего, есть существо *необходимо* свободное: ибо къ свободѣ развивается онъ вслѣдствіе необходимаго закона своего бытія, такъ же точно, какъ каждое растеніе развивается изъ сотвореннаго Богомъ сѣмени *по роду* своему. А если такъ, то не подлежитъ ли онъ извѣстнымъ, естественнымъ ему, законамъ и въ дальнѣйшемъ употребленіи своей свободы? Не вложено ли въ существо его извѣстной наклонности къ правильному управленію своими си-

лами? Однимъ словомъ, не руководитъ ли его самое естественное его развитіе къ прямой цѣли его бытія, къ вѣчности, къ блаженной жизни за предѣлами гроба?

На этотъ вопросъ, *не спрашиваясь съ опытомъ*, мы отвѣчаемъ утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣку дано такое назначеніе: то, по самой премудрости Творца, оно должно быть сообразно съ его природою. Нельзя же предположить, чтобы Богъ, поставивъ извѣстную цѣль для Своего творенія, не даровалъ ему и средствъ къ достиженію оной. И дѣйствительно, смотря на естественное развитіе человѣка съ самой минуты его рожденія, мы не можемъ не замѣтить, что все въ немъ приспособлено къ достиженію послѣдней цѣли его бытія. Самое развитіе его къ сознанію есть уже приготовленіе къ его главному назначенію. Нравственный характеръ самыхъ инстинктовъ его есть явный знакъ его превосходства надъ всѣмъ земнымъ, его окружающимъ. Самый тѣлесный организмъ человѣка такъ устроенъ, что въ немъ нельзя не видѣть жилища великаго духовнаго начала (1 Кор. VI, 17). Постепенно и мало по-малу возрастаетъ въ этомъ священномъ храмѣ питомецъ неба, духъ человѣческій. Начиная отъ темныхъ ощущеній чувственныхъ, сознаніе человѣка непримѣтно переходитъ къ разумѣнію, пока наконецъ не возвысится до чувства высокаго и прекраснаго, до созерцаній святаго и безконечнаго. На этой степени развитія духъ человѣческій переступаетъ границы животной жизни, далеко оставляя позади впечатлѣнія земнаго міра. Тогда въ душѣ его является сознаніе закона правды, закона неизмѣняемаго, вѣчнаго порядка, для котораго не представляется ему образца ни внѣ его — въ мірѣ, ни въ немъ самомъ — его свободѣ. Это священное чувство сопровождаетъ его во всѣхъ пу-

тяхъ его, и является въ немъ то поборникомъ правды, то совѣтникомъ его намѣреній, то наконецъ неумолимымъ судіею его собственныхъ дѣйствій. Это чуство — совѣсть.

Такимъ образомъ отвѣтъ нашъ справедливъ. Человѣкъ, получивъ отъ Бога назначеніемъ жизнь вѣчную и блаженную, въ самомъ естественномъ развитіи своемъ приспособленъ къ достиженію этой цѣли. Но отвѣтъ этотъ мы дали, *не спросившись съ опытомъ*, и это съ тою цѣлію, чтобы яснѣе показать, какъ все въ человѣкѣ исполнено противорѣчій, какъ все лучшее, все святѣйшее въ немъ по природѣ разрушается при первомъ столкновеніи его съ міромъ. Причину того здѣсь не мѣсто изслѣдовать; да она всякому изъ насъ извѣстна. *Первымъ человѣкомъ грѣхъ вниде въ міръ и грѣхомъ смерть* (Рим. V, 12) — вотъ вкратцѣ вся исторія жизни человѣчества! И потому обратимся снова къ нашему предмету, и спросимъ опытъ, идетъ ли человѣкъ прямымъ путемъ къ своему назначенію? Слѣдуетъ ли онъ природному своему влеченію къ предъуставленной ему цѣли? Пользуется ли онъ для этого тѣми средствами, какія даны ему отъ природы? Нѣтъ. И почему-же? Потому что онъ *плотянъ* и болѣе слѣдуетъ влеченіямъ своей животной природы; потому что онъ *слабъ* и увлекается впечатлѣніями обольщающей его внѣшности; потому наконецъ, что онъ *ослѣпленъ* въ своемъ сознаніи, и изъ-за себя самого не видитъ свѣта божественнаго. *Вся яже въ мірѣ: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. II, 16). И вотъ отъ чего естественное развитіе человѣка, при всѣхъ вложенныхъ въ него отъ Бога средствахъ, не достигаетъ своего назначенія! А это приводитъ насъ прямо къ той мысли, что человѣкъ нуждается въ новомъ средствѣ, и средствѣ сильномъ,

чтобы высвободиться изъ такого тяжкаго положенія и стать на прямой путь къ своей цѣли. Самъ собою человѣкъ не въ состояніи не только достигнуть предназначенной ему отъ Бога цѣли, но даже найти путь, ведущій къ оной. Стало быть, ему нужно вѣрное руководство къ этому пути. Средство это есть искупленіе человѣка чрезъ Христа; руководство это есть воспитаніе въ нѣдрѣ Христовой церкви.

Но чтобы вѣрнѣе опредѣлить смыслъ этого слова, мы напередъ ограждаемъ себя отъ той сбивчивости понятій, которая неизбѣжно происходитъ вслѣдствіе смѣшенія воспитанія съ образованіемъ. Образованіе имѣетъ предметомъ своимъ одну только сторону духа человѣческаго — его разумъ и воображеніе, тогда какъ воспитаніе обнимаетъ собою всю природу человѣка. Поэтому образованіе можетъ начинаться только съ развитіемъ естественныхъ способностей въ человѣкѣ, между тѣмъ какъ воспитаніе принимаетъ его на свое попеченіе, можно сказать, съ самаго появленія его на свѣтъ. Правда, образованіе впослѣдствіи можетъ имѣть гораздо обширнѣйшій кругъ дѣйствія, чѣмъ воспитаніе; но это самое намъ доказываетъ, что воспитаніе есть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждутся послѣдующія достоинства человѣка. Быть можетъ, намъ скажутъ, что образованіе не всегда бываетъ слѣдствіемъ воспитанія, что есть много людей съ способностями и талантами, развитыми самымъ блистательнымъ образомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ нравственнаго воспитанія. Но это ничего болѣе не доказываетъ, какъ только то, что высказано въ притчѣ о строющемъ домъ свой на камнѣ или на пескѣ (Мат. VII, 26, 27). Судьба такой постройки очевидна; и потому, не останавливаясь долѣе на этомъ предметѣ, поспѣшимъ опредѣлить понятіе

воспитанія, чтобы тѣмъ яснѣе увидѣть, какъ оно-то одно и есть тотъ краеугольный камень, на которомъ мы можемъ смѣло возводить храмъ жизни нашей, не опасаясь нападенія ни бурь, ни волнъ потопа.

И такъ, что такое воспитаніе?

Воспитаніе должно быть для человѣка руководствомъ въ жизни чрезъ временную-земную въ вѣчную-небесную. Главная задача воспитанія опредѣлить прежде всего, гдѣ лежитъ центръ жизни въ природѣ человѣческой, и что составляетъ главную пружину оной? Премудрый говоритъ: *сыне, всящѣмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Прит. IV, 23). И такъ сердце есть средоточіе жизни въ человѣкѣ; оно же есть источникъ и его дѣятельности. Если самъ Спаситель говоритъ, что *отъ сердца исходятъ помышленія злая* (Мат. XV, 19), то очевидно, что безъ воспитанія сердечнаго человѣкъ никогда не можетъ стать на дорогу къ своему назначенію и всю жизнь будетъ блуждать по распутіямъ смерти: такъ какъ сердце грѣшнаго человѣка, по словамъ самаго Священнаго Писанія, *прилежно помышляетъ на злая во вся дни* (Быт. VI, 5). И въ самомъ дѣлѣ, сердце есть корень всей нравственной жизни человѣка. Наши мысли и наши дѣйствія заимствуютъ свою силу только отъ участія сердца; наше счастіе или несчастіе заключено въ нашемъ сердцѣ. Посему-то дать доброе направленіе сердцу есть самая первая и главнѣйшая задача воспитанія.

Намъ скажутъ, что само сердце должно быть управляемо разумомъ, и что дѣйствія человѣка подъ руководствомъ разсудка часто бываютъ вѣрнѣе увлеченій сердечныхъ. Справедливо; разумъ есть око сердца, и безъ него сердце бываетъ слѣпо. Но опредѣленіе воли однимъ разумомъ никогда не можетъ

быть такъ полно жизни, какъ это бываетъ при участіи сердечномъ. И это совершенно естественно: ибо, какъ сказано, сердце есть средоточіе жизни человѣка, и потому все, что идетъ мимо сердца, что совершается безъ участія онаго, бываетъ холодно, черство, мертво. Поэтому-то при воспитаніи необходимо обращать вниманіе на сердце. Когда сердце направлено къ прямой цѣли бытія человѣка, не трудно уже навести разумъ на избраніе вѣрнаго пути къ этой цѣли. Жизнь сердца есть любовь; а сущность любви есть стремленіе къ обладанію и наслажденію предметомъ оной. Значитъ, нужно только указать ему на этотъ предметъ, и оно само устремитъ всѣ силы души къ этой цѣли.

Но кто укажетъ сердцу эту цѣль, этотъ предметъ любви? Одна только вѣра, одно ученіе Христово! Ибо христіанство раскрыло человѣку его назначеніе; оно подало ему вѣрную надежду на жизнь вѣчную и указало въ ней сердцу человѣка послѣднюю и существенную цѣль его стремленій — вѣчную любовь, Бога.

Напрасно кто-нибудь подумалъ бы при этомъ: „но приложимо ли такое высокое ученіе христіанства къ дѣтскому возрасту?“ Божественное ученіе Іисуса Христа имѣетъ именно то чудное свойство, что оно равно доступно для умовъ младенческихъ, какъ неисчерпаемо для самыхъ глубокихъ мыслителей. Христіанство даже болѣе приложимо къ возрасту дѣтскому, чѣмъ къ лѣтамъ взрослымъ, и именно потому, что оно такъ близко къ природѣ человѣка, а природа эта въ дѣтяхъ чище и неповрежденнѣе, чѣмъ въ людяхъ взрослыхъ. Потому-то Спаситель всѣмъ говорилъ: *аще не обратитеся и будете, яко дѣти, не внидите въ царствіе небесное* (Мат. XVIII, 3). Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы ясно увидимъ, какъ удобно

прилагаются основныя начала христіанства къ самому естественному развитію силъ и способностей въ дитяти.

Христіанское воспитаніе начинается у купѣли крещальной, гдѣ оно въ лицѣ воспріемниковъ даетъ Богу за будущаго питомца своего клятвенный обѣтъ вѣрности началамъ христіанской вѣры. Начала эти суть: *вѣра, надежда и любовь.* Въ первыя минуты жизни новопросвѣщеннаго младенца сохраненіе этихъ жизненныхъ началъ въ душѣ его зависитъ единственно отъ благодатнаго дѣйствія св. Духа, таинственная печать котораго пребываетъ неизгладимою. Теперь еще пока мало поприща для дѣятельности христіанскаго воспитателя. Одушевленный храмъ Духа Божія (1 Кор. VI, 19) нѣкоторое время развивается и возрастаетъ по законамъ общей жизни органическихъ существъ. Но вотъ мало-по-малу разгарается въ этомъ храмѣ искра божественнаго огня, доселѣ непримѣтно тлѣвшая въ лампадѣ обновленной души младенца: въ немъ пробуждается сознаніе. Пойдемъ же по слѣдамъ этаго таинственнаго развитія духа, шагъ-за-шагомъ, со всею наблюдательностію отвѣтчика предъ судомъ Того, Кому мы дали торжественный обѣтъ воспитать сего младенца въ началахъ православной вѣры, со всѣмъ благоговѣніемъ предъ чудеснымъ проявленіемъ въ новомъ жителѣ земли образа и подобія Божія.

Посмотрите на этаго невиннаго младенца, какъ онъ пока беззаботно наслаждается своимъ бытіемъ, какъ онъ безмятежно живетъ своимъ настоящимъ! Еще время не развилось предъ нимъ въ своихъ смѣнахъ; еще оно не произвело въ юной душѣ его различія настоящаго отъ прошедшаго. Онъ счастливъ своимъ мгновеннымъ. Каждая минута его жизни принадлежитъ ему всецѣло; онъ живетъ ею, не зная прошед-

шаго, не понимая будущаго. Съ чѣмъ сравнить такое состояніе? Еслибы можно было, мы сравнили бы оное съ состояніемъ вѣчнаго покоя, невозмущаемаго ничѣмъ преходящимъ, безъ печалей о прошедшемъ, безъ воздыханій о будущемъ. Но вѣрнѣе будетъ, если мы уподобимъ оное состоянію полной вѣры, для которой ожидаемое въ будущемъ осуществляется въ настоящемъ, и невидимое глазами становится вѣрнымъ, какъ бы осязаемое (Евр. XI, 1). Въ самомъ дѣлѣ, не проглядываетъ ли въ этой младенческой жизни начало того невиннаго состоянія, которое, начинаясь вѣрою, имѣетъ концемъ своимъ блаженную вѣчность?

Но пойдемъ далѣе въ нашихъ наблюденіяхъ надъ младенцемъ, и прослѣдимъ такимъ образомъ жизнь его до предѣловъ дѣтства, откуда должно начинаться собственно воспитаніе. Мы же должны изучить нашъ субъектъ, прежде чѣмъ возмемъ въ руки водительство его къ цѣли бытія его.

Изъ состоянія безотчетнаго самодовольства, въ которомъ мы сейчасъ видѣли нашего младенца, и которое мы сравнили съ состояніемъ *вѣры*, онъ мало-помалу переходитъ въ болѣе обширную область жизни, гдѣ его начинаютъ поражать предметы, доселѣ невозбуждавшіе его вниманія, всецѣло сосредоточеннаго на собственномъ бытіи его. Первыя приражения внутренняго чувства младенца къ окружащимъ его лицамъ вызываютъ въ душѣ его новыя ощущенія. Спокойное самонаслажденіе переходитъ теперь въ пріятное выраженіе внутренняго довольства вовнѣ. Въ юной душѣ является новый ростокъ божественнаго сѣмени: младенецъ начинаетъ *любить*. И кто бываетъ первымъ предметомъ младенческой любви его? То лице, которое ближе всего къ его собственному бытію, — то, на которое онъ во-первыхъ послѣ себя перенесъ свою

младенческую увѣренность, свое безотчетное, нѣмое чувство успокоенія въ своемъ настоящемъ: *вѣра* породила въ немъ *любовь!* Такъ чудно совершается развитіе положенныхъ Богомъ ростковъ въ душѣ человѣка, имѣющихъ принести свой плодъ въ предназначенной ему отъ природы жизни по духу! И горе, горе намъ, если мы, отцы, воспріемники, воспитатели, дѣлаемся виноваты въ томъ, что эти священные ростки не развиваются къ жизни, если они замираютъ на юной почвѣ отъ нашего небреженія! Но еще стократъ болѣе горе тому, кто, какъ говоритъ Спаситель, *соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ* (Мар. III, 42).

Но вотъ мы приближаемся, вмѣстѣ съ возрастомъ младенца, къ новому періоду его развитія. Уже онъ на ногахъ, уже онъ умѣетъ выразить юныя чувства вѣры и любви въ тѣсномъ пока кругу своей жизни. Съ довѣренностію смотритъ онъ въ глаза отцу своему, съ любовію припадаетъ къ груди матери. Онъ и теперь пока счастливъ своимъ настоящимъ. Но теперешнее его настоящее уже не то, что было оно для него въ колыбели. Тогда не существовало для него ни прошедшаго, ни будущаго. Теперь же, по мѣрѣ развитія въ немъ сознанія, прошедшее и для него отдѣляется отъ настоящаго. Клубокъ его жизни развертывается въ нить. Въ его сердцѣ раждается какое-то новое чувство, которое жаждетъ удовлетворенія: онъ начинаетъ понимать будущее. Несчастно было бы это юное существо, еслибы въ отвѣтъ на этотъ новый вопросъ его сердца не раздалось никакого отклика. Посмотрите на комнатное растеніе, поставленное вдали отъ свѣта, какъ оно изъ всѣхъ силъ тянется къ отверзтію, откуда проникаетъ свѣтъ! Сколько ни повертывайте вы это растеніе другою стороною къ свѣту, оно снова обернетъ свою печальную головку къ тому

же источнику своей жизни. Сердце человѣка также нуждается въ свѣтѣ, и Богъ пустилъ въ него лучъ и этого начала жизни. Этотъ лучъ есть лучъ *надежды*. Надежда есть пища сердца. Отнимите надежду у сердца, и оно изнеможетъ, какъ увядаетъ цвѣтокъ, лишенный свѣта. Напротивъ, направьте лучъ этого свѣта на юную почку, и она развернется прелестнымъ цвѣткомъ. Точно такъ и въ душѣ младенца загорается первый лучъ надежды именно въ то время, когда онъ готовится вступить въ періодъ дѣтства, гдѣ ожидаетъ его новое, уже всецѣлое и согласное развитіе вложенныхъ въ него отъ Бога всѣхъ трехъ началъ христіанской жизни, — вѣры, надежды и любви.

Такимъ образомъ мы видимъ ясно, что воспитаніе, если оно должно быть сообразнымъ съ природою и назначеніемъ человѣка развитіемъ его къ жизни, не можетъ и имѣть другаго характера, кромѣ исключительно христіанскаго. Ибо, еще разъ, что такое воспитаніе, какъ не средство къ наставленію человѣка на путь правый, ведущій его прямо къ главной цѣли его — жизни вѣчной? Не можемъ же мы изобрѣсти себѣ другой какой цѣли, кромѣ поставленной намъ Богомъ. Не найдемъ же мы другихъ данныхъ для воспитанія въ самомъ человѣкѣ, кромѣ положенныхъ въ немъ отъ Бога. А эти данныя и суть: вѣра, надежда и любовь, — эти три великія начала жизни христіанской.

Не станемъ скрывать отъ самихъ себя того пагубнаго предубѣжденія, по которому мы раздѣляемъ въ понятіяхъ своихъ жизнь христіанскую, по Богѣ, отъ жизни въ мірѣ, предоставляя первую, какъ нѣкую недоступную святыню, немногимъ избраннымъ, и погружаясь сами въ послѣднюю, какъ въ какую-то неизбѣжную необходимость нашей слабой

природы. Это предубѣжденіе есть крайнее заблужденіе людей міра сего. Писаніе ясно учитъ насъ, что всѣ мы, увѣровавшіе во Христа, призваны *къ наслѣдію со Христомъ* въ жизни вѣчной; а о *силѣ Божіей* сказалъ Самъ Господь своему апостолу, что она *въ немощахъ совершается* (2 Кор. XII, 8). Потому, повторяемъ, великое заблужденіе — думать, будто христіанство и жизнь въ мірѣ не совмѣстимы. Безспорно, есть и избранники Божіи въ царствіи Христовомъ, но, какъ говоритъ Апостолъ, *и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ въ своей славѣ* (1 Кор. XV, 41), однако всѣ онѣ блестятъ въ небѣ. Будетъ и намъ всѣмъ мѣсто въ дому Отца нашего, у Котораго, по словамъ Единороднаго Сына Его, *обители многи суть* (Іоан. XIV, 2). Вспомнимъ, что говорилъ Спаситель въ послѣдней молитвѣ Своей за насъ къ Отцу Своему. *Отче святый*, взывалъ Онъ, *соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ! Не молю,* продолжалъ далѣе Ходатай нашъ, *чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы соблюлъ ихъ отъ зла.* А чтобы мы знали, что молитва эта была приносима не за однихъ Апостоловъ и непосредственныхъ учениковъ Христовыхъ, но и за насъ, отдаленныхъ почти двумя тысячами лѣтъ отъ этой священной минуты, Спаситель нашъ прибавляетъ: *не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ* (Іоан. XVII, 11, 15, 20). Конечно, по словамъ Писанія, *міръ весь во злѣ лежитъ;* но тоже Писаніе намъ говоритъ, что мы вѣрою нашею побѣждаемъ міръ (1 Іоан. V, 4). Для того-то и возрожденъ человѣкъ, чтобы онъ могъ жить новою жизнію въ испорченномъ грѣхомъ мірѣ! Въ томъ-то и состоитъ сила Христовой благодати, что она возстановляетъ насъ въ первобытное состояніе! И потому-то воспитаніе

христіанское есть прямое и неложное руководство *къ жизни* въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Ибо что такое жизнь, какъ не проявленіе началъ нашего бытія? Начала же эти, какъ мы видѣли, суть вѣра, надежда и любовь. Уклоненіе отъ этихъ началъ есть злоупотребленіе жизни и потому ведетъ прямо къ смерти, и притомъ, по мѣрѣ удаленія отъ оныхъ, болѣе и болѣе смертельной, наконецъ вѣчной. Не живетъ духомъ тотъ человѣкъ, который, не руководясь свѣтомъ *вѣры*, безпокойно блуждаетъ въ сумракѣ мудрованій или безпечно дремлетъ во тьмѣ невѣдѣнія. Не жизнь и то, когда человѣкъ, не согрѣтый божественнымъ огнемъ *любви*, или черствѣетъ въ сухой атмосферѣ безчувственности или сгараетъ въ адскомъ пламени страстей своихъ. Наконецъ, что за жизнь и въ томъ, кто, не окриляясь *надеждою* на будущность вѣчную, пресмыкается въ жалкой ничтожности скоропреходящихъ исканій или погружается въ бездну отчаяннаго самообольщенія?

Напротивъ, посмотрите на христіанина, какъ онъ, озаренный вѣрою, идетъ твердыми шагами по пути жизни къ своему послѣднему назначенію! Никакія бури житейскія не страшны ему ни ихъ настоящимъ, ни ихъ послѣдствіями. Міръ со всею злобою своею не въ состояніи поколебать его внутренняго спокойствія; христіанинъ увѣренъ, что вѣрующій въ Сына Божія есть и будетъ побѣдитель міра (1 Іоан. V, 4). Похоти-ли плоти, или страсти душевныя возстаютъ на него; твердый оплотъ противъ сихъ нападеній имѣетъ онъ въ *любви* къ Богу и неразлучной съ нею *любви* къ ближнимъ (1 Іоан. IV, 20). Это чувство сердца есть поистинѣ тотъ священный пламень, который очищаетъ собою все существо человѣка. Истребляя въ душѣ его зависть, гнѣвъ, вражду и другія

страсти, оно дѣлаетъ его не только свободнымъ отъ грѣха, но даже изгоняетъ изъ него самый страхъ раболѣпства оному (1 Іоан. IV, 18). Водимый этими двумя священными началами жизни, христіанинъ не мучитъ себя тщеславными исканіями наслажденій въ мірѣ, гдѣ все — дымъ и прахъ, но спокойно и радостно живетъ *надеждою* на будущее вѣрное, на будущее неизмѣнное, на будущее вѣчное. Такимъ образомъ становится понятнымъ, отъ чего христіанинъ съ такимъ спокойствіемъ души долженъ встрѣчать въ жизни всѣ превратности мірской судьбы. Взоръ его ясенъ, сердце его спокойно, и въ душѣ его царствуетъ увѣренность, которая даетъ ему силы неутомимо идти по трудному пути, не страшась ни опасностей онаго, ни развлекаясь прелестями его окресностей, ни упадая наконецъ духомъ при видѣ многочисленныхъ препятствій, представляющихся ему почти на каждомъ шагу. Онъ знаетъ, что *любящимъ Бога вся поспѣшествуетъ во благое* (Рим. VIII, 28); потому, чтобы ни встрѣчало его въ жизни, все онъ принимаетъ благодушно, на все онъ уже напередъ приготовленъ. Всякое несчастіе, всякая неудача служатъ ему или средствомъ къ его внутреннему очищенію и слѣдовательно усовершенствованію, или поводомъ къ упражненію его духовныхъ силъ и слѣдовательно къ укрѣпленію его увѣренности въ окончательномъ успѣхѣ. Думаютъ ли, что христіанинъ отстанетъ съ своими святыми правилами жизни отъ другихъ въ общей міровой дѣятельности? Напротивъ. Умѣя изъ всего извлекать истинную пользу, онъ далеко опередитъ своихъ собратій по жизни, но не товарищей ему по стремленію къ главной цѣли. Если одинъ Богъ благословляетъ всякое начало и всякій успѣхъ дѣлъ нашихъ, то навѣрное христіанину больше надежды на

успѣхъ во всемъ. И что ни говори міръ грѣшный и гордый, онъ стоитъ и держится только истинными чтителями Бога: *сѣмя свято стояніе его* (Ис. VI, 13)! Только истинный христіанинъ и въ обществѣ есть лучшій другъ, лучшій совѣтникъ и исполнитель, лучшій начальникъ и гражданинъ!

Показавъ такимъ образомъ, какъ естественно и необходимо для человѣка въ жизни воспитаніе исключительно христіанское, приступимъ наконецъ къ самому дѣлу. Но съ чего намъ начать наше воспитаніе? Начнемъ его такъ, какъ указываетъ намъ св. церковь самымъ ощутительнымъ образомъ при духовномъ рожденіи нашего воспитанника, и именно, примемъ его на руки отъ самой купѣли, или, по житейскому выраженію, „возмемъ его въ свои руки;“ а это значитъ: пріобрѣтемъ его полное *послушаніе* къ намъ. Послушаніе должно быть началомъ воспитанія; безъ него невозможно никакое водительство. Но какъ достигнуть самаго послушанія отъ нашего питомца? Не естьли еще и это самое одна изъ задачъ воспитанія? Быть можетъ, для воспитанія „искуственнаго“ — такъ; но для христіанскаго оно уже дано напередъ, какъ залогъ успѣшнаго дѣйствія воспріемничества, отъ Самаго Бога, и именно въ благодати даровъ крещенія. Любовь, живущая въ сердцѣ младенца, освѣщаемая, по мѣрѣ развитія понятій въ душѣ его, вѣрою, и оживляемая впослѣдствіи надеждою, есть и будетъ то, чего мы желаемъ прежде всего отъ нашего воспитанника, т. е. начало послушанія. Поэтому намъ собственно и не нужно бы было заботиться о возбужденіи въ дитяти этого начала, еслибы съ одной стороны можно было положиться на безпрепятственное развитіе всѣхъ христіанскихъ началъ въ душѣ дитяти, а съ другой, еслибы намъ не припоминалася при семъ

притча Спасителя, въ которой представляется большая опасность не только для руководимаго, но и для самаго водителя, — притча: *аще слѣпый слѣпаго ведетъ.* Изъ этого двойнаго опасенія обратимся смиренно къ предмету нашего изученія, къ самому дитяти, и поучимся сами надъ нимъ же искусству воспитанія.

Имѣть въ рукахъ волю дитяти, конечно, главное дѣло въ воспитаніи. Но здѣсь нельзя намъ дѣйствовать и съ нашею свободою такъ свободно, какъ мы дѣйствуемъ иногда въ мірѣ, лишенномъ свободы. Тамъ сила часто уступаетъ силѣ, здѣсь же — рѣдко, и всегда непрочно, сила свободы преклоняется предъ насиліемъ нашей воли. Здѣсь важно то, какъ мы сумѣемъ взяться за дѣло. Если мы вмѣсто того, чтобы *навязывать* дитяти нравственныя правила, будемъ стараться *развязывать* его самого отъ препятствій, часто налагаемыхъ на него самымъ организмомъ его, и развивать изъ него самаго тѣ ростки, которые положены въ него рукою Творческою, тогда мы можемъ напередъ быть увѣрены въ полномъ успѣхѣ нашихъ стараній. Но какъ найти конецъ этой нити, часто такимъ таинственнымъ образомъ запутанной во множествѣ разнородныхъ наклонностей хотя еще и юной души? Вниманіе и терпѣніе должны проложить намъ путь къ этому концу и вмѣстѣ началу успѣшнаго дѣйствованія. И во-первыхъ, спросимъ себя самихъ, какъ вообще развивается воля въ человѣкѣ? Для приведенія воли въ движеніе нужно извѣстное побужденіе. Побужденіе это можетъ быть столько же разнообразно, сколь многоразличны впечатлѣнія, получаемыя душею человѣка. Стало быть, для успѣшнѣйшаго управленія волею дитяти, надобно прежде всего забрать въ руки эти побужденія, чтобы по-

средствомъ оныхъ управлять, какъ браздами, нашимъ питомцемъ. Мы не будемъ еще разъ объяснять здѣсь того, что самыя естественныя и самыя вѣрнѣйшія побужденія дѣятельности человѣка составляютъ тѣже три христіанскія начала жизни — вѣра, любовь и надежда. Покажемъ только, какъ ихъ прилагать къ постепенному развитію дитяти. Мы сейчасъ замѣтили, что побужденія, опредѣляющія волю къ дѣятельности, могутъ быть чрезвычайно разнообразны; но всѣ они сосредоточиваются во внутреннемъ чувствѣ души. Опытъ же показываетъ намъ, что это чувство пробуждается и возбуждается чрезъ посредство внѣшнихъ впечатлѣній. Многія изъ этихъ впечатлѣній остаются сначала темными для сознанія; но мало-по-малу изъ нихъ составляется смыслъ, какъ средоточіе разнородныхъ понятій и ощущеній. И такъ первое дѣло воспитателя обратить вниманіе на это хранилище души, тѣмъ болѣе, что, по мѣрѣ развитія дитяти, самыя сначала темныя ощущенія и понятія въ немъ мало-по-малу просвѣтляются и въ свою очередь дѣлаются побужденіями къ дѣятельности. Отсюда видно, какое стараніе должно прилагать къ тому, чтобы образовать въ дитяти прежде всего *здравый смыслъ*. Нужно-ли для этого большое искусство? Нисколько! Говорите съ дитятью отъ сердца, съ искренностію, обо всемъ, и оно пойметъ васъ скоро, ясно, а главное — приметъ всякое ваше наставленіе съ довѣрчивостію. Можно дитяти уяснить извѣстныя правила, можно приковать ихъ къ его памяти такъ крѣпко, что они всегда найдутся на-случай въ сокровищницѣ души его. Это знаніе будетъ даже *твердо* въ дитяти, но оно не будетъ *живо*, когда въ немъ не участвовало сердце своею любовью.

Это такая правда, что для нея трудно найти исключеніе даже при изученіи самыхъ сухихъ предметовъ. И математика можетъ быть, какъ дѣйствительно и бываетъ, изучаема или съ любовію, или только по долгу. Разница и въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ-же, т. е., что въ одномъ случаѣ знаніе это бываетъ живое, а въ другомъ — сухое и мертвое. Поэтому, если мы хотимъ сдѣлать изъ развитія смысла дитяти одно изъ первыхъ средствъ къ управленію его волею, то мы должны работать надъ этимъ съ полнымъ участіемъ собственнаго сердца, стараясь въ то-же время пріобрѣсти довѣренность сердечную-же къ нашимъ наставленіямъ и со стороны нашего питомца.

Другое, не менѣе сильное, средство къ управленію волею дитяти, составляетъ *живой примѣръ*. Это средство можетъ дѣйствовать въ свою очередь и на смыслъ, почему оно занимаетъ весьма важное мѣсто при ученіи; но главнымъ образомъ оно касается сердца, которое, какъ средоточіе жизни, составляетъ главную пружину въ дѣятельности воли. Примѣръ какъ въ области знанія, такъ и — дѣятельности, даетъ жизнь дѣлу. Начните набивать голову дитяти одними правилами, не оживляя ихъ примѣромъ, вы произведете въ немъ насиліе его уму и сердцу, изъ которыхъ первый еще не въ состояніи обнять формы безъ содержанія, а послѣднее не можетъ участвовать въ томъ, что его не трогаетъ. Если еще при этомъ мы станемъ настаивать на необходимости знанія этихъ сухихъ правилъ, то мы рискуемъ потерять въ нашемъ воспитанникѣ вмѣстѣ съ любовію его къ намъ и его довѣренность, и такимъ образомъ мы можемъ неосторожно разрушить въ немъ самыя священныя начала жизни, любовь и вѣру. Какъ хотите вы, чтобы

опредѣлить силу взаимныхъ отношеній между главными началами жизни въ каждомъ изъ дѣтей въ особенности. Тамъ, гдѣ отъ природы перевѣсъ на сторонѣ любви, не нужно бываетъ прибѣгать къ наказаніямъ; гдѣ же сильно развито чувство вѣры, довольно бываетъ однѣхъ угрозъ; напротивъ того, однѣ угрозы въ первомъ случаѣ только повредятъ, а непосредственное наказаніе въ другомъ будетъ непохвальною тратою одного изъ сильнѣйшихъ средствъ, которое принесло бы пользу въ самомъ крайнемъ случаѣ. Надежда изтекаетъ изъ вѣры; посему какъ награды, такъ и наказанія могутъ сильнѣе дѣйствовать при перевѣсѣ этого начала въ душѣ дитяти; между тѣмъ какъ любовь есть сама себѣ награда.

И такъ у насъ теперь въ рукахъ вѣрныя средства къ воспитанію, — вѣрныя потому, что они вытекаютъ прямо изъ началъ христіанства. Попробуемъ же теперь съ этими средствами взяться за самое дѣло.

Мы уже замѣтили, что христіанское воспитаніе начинается у крещальной купѣли. И такъ вотъ у насъ на рукахъ только что просвѣщенное таинствомъ крещенія дитя. Нѣтъ нужды говорить, что первое чувство, встрѣчающее новорожденнаго въ жизни, есть любовь. Естественное чувство матери и самое безсильное состояніе дитяти, внушающее участіе къ нему, достаточно ручаются за то. Но и эта любовь и это участіе могутъ превратиться въ отраву юной души, если этими чувствами не будетъ управлять начало христіанскаго воспитанія. Невинная душа младенца, вмѣстѣ съ нѣжнымъ тѣломъ его, находится теперь всецѣло въ рукахъ матери или ближайшаго изъ воспитателей. Неосторожное прикосновеніе какъ къ той, такъ и къ другому одинаково вредно и соединено съ пагубными послѣдствіями для младенца на всю осталь-

ную жизнь его. Пусть не думаютъ родители, будто новорожденнымъ еще не нужна забота объ ихъ нравственномъ воспитаніи. Пусть вспомнятъ они слово изъ устъ Того, Котораго ни одно слово *не мимо идетъ: нѣстели чли николи же яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Мат. XXI, 16). Искра еще не пламя, но въ ней также огонь. Смотрите на дитя ваше съ перваго появленія его на свѣтъ, какъ на существо, имѣющее уже въ себѣ образъ Божій! И потому окружите его съ первыхъ дней бытія его всею заботливостію вашею о душѣ его, и не забывайте клятвы, данной вами за него предъ Богомъ при святой купѣли! Конечно, область духовной жизни младенца еще слишкомъ тѣсна, но тѣмъ непростительнѣе и въ этомъ маломъ кругу допускать пробѣлы. Объемъ жизни вообще относителенъ. Что значитъ самое долгое протяженіе нашего земнаго бытія сравнительно съ безконечностію жизни будущей? Сила жизни есть чувство; а чувство не измѣряется пространствомъ. Голосъ и взоръ матери могутъ болѣе говорить безотчетному чувству младенца, чѣмъ цѣлыя рѣчи дружбы нашему, взросшему въ недовѣрчивости, сердцу. Въ младенцѣ пока все сосредоточено въ его тѣлесномъ развитіи; но не думайте, чтобы здѣсь не учавствовала и его духовная сторона. По-своему и онъ живетъ душею; и онъ блаженствуетъ у груди матери, и онъ чувствуетъ лишенія, хотя и подъ матеріальнымъ видомъ голода, холода или безпокойствъ тѣлесныхъ. Хотите не погасить въ немъ этого еще слабаго проблеска духовной жизни, поступайте уже съ младенцемъ, какъ съ *человѣкомъ*. Окружите его любовію съ первыхъ минутъ его бытія; но не увлекайтесь *слишкомъ* вашею любовію. Пріучите дитя слушаться вашего голоса, полнаго родительской за-

ботливости объ истинномъ его благосостояніи. Прислушиваться къ голосу матери есть уже въ дитяти начало послушанія на всю будущую жизнь его, и послушанія такого, каковъ будетъ голосъ вашъ, т. е. послушанія или изъ страха или изъ любви. Впрочемъ, не слѣдуетъ отсюда, чтобы при воспитаніи младенца не было совсѣмъ мѣста и наказанію. Напротивъ; пока дитя развивается еще инстинктивно, его нужно бываетъ иногда останавливать въ его наклонности къ упрямству средствами, осязательными для его тѣлеснаго организма. Но будемъ внимательнѣе и здѣсь! Не боль больна, больно чувство. Ударъ злости, какъ бы ни былъ онъ легокъ, сильнѣе поражаетъ чувство, чѣмъ гораздо сильнѣйшій ударъ любви или правды. *Гнѣвайтесь,* говоритъ и Писаніе; *но не согрѣшайте,* прибавляетъ оно же (Пс. IV, 5). Тамъ, гдѣ наказаніе отдается местію раздраженнаго сердца, тамъ гдѣ оно носитъ на себѣ малѣйшій оттѣнокъ озлобленія со стороны, хотя бы то и справедливѣйшаго въ своихъ требованіяхъ, воспитателя, подрываются главнѣйшія основанія спасительности этой мѣры, и именно — безотчетная вѣра дѣтей въ искренность и любовь къ нѣжному сердцу того, кто владѣетъ по праву этою мѣрою. Мы уже замѣтили выше, какъ сила свободы въ человѣкѣ съ трудомъ и всегда непрочно (потому что не искренно) уступаетъ насилію воли другаго. Прибавимъ здѣсь къ этому, что въ самомъ юномъ сердцѣ дитяти есть уже какое-то чутье, по которому оно въ принудительныхъ мѣрахъ, употребляемыхъ надъ нимъ, такъ легко отличаетъ насиліе, причиняемое ему со стороны воспитателей по праву сильнаго, отъ принужденія, возлагаемаго на него по долгу любви. Перваго отвращается его сердце; предъ послѣднимъ оно смягчается; и отъ того слѣдствіемъ перваго бы-

ваетъ ожесточеніе, слѣдствіемъ втораго — послушаніе искреннее, сердечное.

Но вотъ младенецъ мало-по-малу сходитъ съ рукъ нашихъ: онъ начинаетъ становиться на ноги. Это первое проявленіе его самостоятельности. Удвоимъ же наше вниманіе. Съ мѣсяцами и днями возрастанія ребенка растутъ и заботы воспитанія. Доселѣ мы внимали его дѣтскому крику, радовались его улыбкѣ, предупреждали его желанія, останавливали силою его порывы ко злу. Намъ было легко это дѣлать: дитя было у насъ на рукахъ. Теперь, почувствовавъ свои силы, оно стремится сдѣлать шагъ отъ насъ впередъ. Берегитесь, чтобы дитя ваше не упало на первомъ шагу; иначе оно долго не рѣшится ходить само. Посмотрите, какъ благоразумная мать учитъ дитя свое ходить! Поставивъ оное на шагъ отъ себя, она зоветъ его къ себѣ въ распростертыя объятія, и дитя, влекомое силою любви, не думаетъ о томъ, что оно еще въ жизни своей не испытало подобнаго движенія, но идетъ, идетъ смѣло на зовъ матери. Вотъ предъ нами снова картина вѣры, поспѣшествуемой любовію! Не думайте, чтобы это было слишкомъ мало, ничтожно для сравненія съ такимъ высокимъ проявленіемъ внутренней, священной жизни духа! Повѣрьте, кто въ дѣтствѣ привыкнетъ такъ безотчетно-любовно спѣшить на голосъ матери, тотъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ скорѣе отзовется съ полною вѣры любовію на зовъ Отца небеснаго. Чудный процессъ совершается въ возрастаніи роскошнаго цвѣтка изъ безвиднаго сѣмени; мы его не постигаемъ. Но ежедневный опытъ учитъ насъ, что *не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника* (Лук. VI, 44). Природа всегда вѣрна себѣ, и законы Божіи непреложны. Солнце отражается и

въ малой каплѣ такъ же, какъ и въ океанѣ водъ. Смотрите и на дитя ваше, какъ на росинку, въ которой отражается образъ Божій. Будемъ внимательны къ этому новому растенію, пока оно совсѣмъ не оторвалось отъ роднаго ствола, на которомъ оно развилось въ отдѣльную жизнь, и не пустило собственныхъ корней, которыя на сторонѣ станутъ искать пищи для дальнѣйшаго своего развитія. *Блюдите убо, да не презрите единаго малыхъ сихъ* (Мат. XVIII, 10).

Сдѣлавъ первый шагъ къ самостоятельности въ физическомъ отношеніи, дитя мало-по-малу переходитъ и къ самостоятельности нравственной. Первое выраженіе его нравственной жизни есть слово: дитя начинаетъ говорить. Откуда приходитъ ему этотъ даръ? Способность онаго отъ Бога; выраженіе же этой способности отъ примѣра. Дитя учится говорить у матери, у ближайшаго къ нему воспитателя. Незамѣтно возрастаетъ въ юной душѣ потребность выраженія себя вовнѣ словомъ. Питаясь молокомъ матери, дитя возрастало видимо для глазъ, но непостижимо для ума нашего; теперь оно начинаетъ рости невиднымъ для глазъ образомъ въ духовномъ отношеніи. Такимъ образомъ настало время, когда не довольно болѣе однихъ *глазъ* для надзора за нашимъ воспитанникомъ; теперь требуется нѣчто большее — бдѣніе надъ его душею. Съ этой минуты уже начинается для дитяти курсъ ученія: ибо оно говорить *учится*. Чего не желаетъ дитя выразить на новомъ для него языкѣ своемъ! Чего не хочетъ оно узнать изъ вновь доступнаго ему источника понятій! Вотъ новый проводникъ жизни къ его сердцу! Орошайте теперь это юное растеніе благотворною влагою вѣры; иначе корни его засохнутъ и нѣжный ростокъ погибнетъ! Согрѣвайте его теплотою любви вашей, иначе

почка цвѣтка этого не развернется и плодовъ на вашемъ растеніи не будетъ! Все, что доселѣ поражало только внѣшнія чувства дитяти, теперь начинаетъ проникать во внутренность души его. Самая новость этихъ впечатлѣній возбуждаетъ въ дитяти потребность дать отчетъ развивающемуся сознанію во всемъ, въ немъ отражающемся. И вотъ, не успѣемъ мы оглянуться, какъ дитя забросаетъ насъ вопросами: „что это? за чѣмъ это?“ Отвѣчать ли ему на всѣ его вопросы? Но въ немъ нѣтъ еще силы принять отъ насъ все то, что мы могли бы дать ему въ отвѣтъ. У него нѣтъ времени даже остановить своего вниманія на нашихъ отвѣтахъ, потому-что вопросы раждаются въ душѣ его одинъ за другимъ. Это сильный потокъ, только-что вырвавшійся изъ горъ, который стремится, ниспровергая все встрѣчающееся на пути, пока не найдетъ себѣ удобнаго ложа. Не думайте полагать ему преградъ на пути; вы можете только на время остановить его теченіе. Онъ успокоится и затихнетъ, но только для того, чтобы, прорвавъ преграду, съ тѣмъ большею силою устремиться къ тому безпредѣльному океану, въ которомъ одномъ онъ найдетъ свой конецъ и успокоеніе. Не отвѣчать на вопросы дитяти значитъ оставить этотъ потокъ любознательности долго искать себѣ постояннаго спокойнаго ложа. Подавлять же въ дѣтяхъ совсѣмъ ихъ вопросы — значитъ полагать препятствіе этому потоку на пути его стремленія къ послѣдней цѣли. Что-же дѣлать здѣсь воспитателю? Мы сейчасъ замѣтили, что дитя, при всей развившейся въ немъ любознательности, еще не способно принимать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на всѣ свои вопросы. Что-же это значитъ, какъ не то, что въ немъ развиваются теперь только формы вѣдѣнія, которыя, еще не образовавшись совершенно,

не могутъ вмѣстить въ себѣ соотвѣтственнаго содержанія? Но не пренебрежемъ и этими формами. Forma dat rei esse, говорятъ философы. Если форма есть проявленіе закона бытія, то мы обязаны уважать и въ ней священную волю творца. При развитіи тѣлеснаго организма мы стараемся же о сохраненіи правильности формъ всѣхъ членовъ тѣлесныхъ, зная, что отъ уродливости развитія одного члена страдаетъ цѣлый организмъ. Также точно и въ развитіи духовномъ отъ небреженія о формахъ можетъ пострадать самая организація душевныхъ силъ. Дитя, осыпая васъ неутомимо своими вопросами, собственно жаждетъ удовлетворенія своей любознательности не столько по содержанію, сколько по формѣ. Для него важна теперь не столько сама истина, сколько форма оной — догматъ. Напрасно стали бы вы стараться объяснить ему то или другое; оно не пойметъ васъ, такъ какъ въ немъ еще не образовались силы пониманія. А главное — дитя совсѣмъ не нуждается въ такомъ насиліи его еще слабому разсудку. Любя васъ, оно уже напередъ вѣритъ въ каждое ваше слово. И потому долгъ воспитателя отвѣчать дитяти на всѣ его вопросы тономъ положительнымъ. Пусть это будетъ уклоненіе отъ отвѣта, или одинъ намекъ на оный; пусть это будетъ даже прямой отказъ на вопросъ. Но да будетъ тонъ этого отвѣта увѣрительный. Только не разсуждайте съ дитятею, а тѣмъ болѣе не обманывайте его! Разсужденія разовьютъ въ немъ наклонность къ резонерству и такимъ образомъ повредятъ въ немъ существенную форму его правильнаго развитія — вѣру въ каждое слово любимаго имъ лица. Ложь и обманъ, какъ заразительное дыханіе ада, незамѣтно отравятъ душу и сердце дитяти, и вы сами, совсѣмъ не замѣчая того, заглушите въ вашемъ пи-

томцѣ священную искру чувства правды вѣчной. Спѣшить навязывать познанія дитяти — значитъ то-же, что стараться насильно ускорять его возрастаніе тѣлесное. Послѣднее осудилъ самъ Спаситель (Мат. VI, 27); первое же находитъ неумѣстнымъ св. апостолъ Павелъ (Евр. V, 13, 14). Пусть вся забота наша сосредоточится на томъ, чтобы дѣти *вѣрили* слову нашему, — а оно никогда не должно быть *гнило* въ устахъ христіанина (Ефес. IV, 29). Дитяти сродно вѣрить всему: потому что вѣра есть первое проявленіе его внутренней жизни, такъ какъ любовь есть первое ощущеніе его сердца. Не станемъ же разрушать этого блаженнаго состоянія юнаго питомца нашею неосмотрительностію, нашею безпечностію или, что еще хуже, нашею злобою или примѣромъ безпорядочной жизни. Пусть всякое слово наше будетъ закономъ для дитяти, — закономъ священнымъ не только для него, но и для насъ самихъ. Пусть особенно примѣръ нашихъ словъ и рѣчей между собою будетъ падать сѣменемъ добрымъ на юную душу, которая теперь начинаетъ развиваться и способомъ подражанія, сначала безотчетнаго, а потомъ и разумнаго.

Первое проявленіе этого новаго развитія дитяти есть игра. Какъ всякій примѣръ дѣйствуетъ посредствомъ возбужденія тѣхъ или другихъ наклонностей въ лицѣ, на которое онъ оказываетъ свое вліяніе: такъ и здѣсь примѣръ жизни во всѣхъ ея формахъ дѣйствуетъ на дитя, пробуждая въ немъ естественную наклонность къ самодѣятельности. Въ игрѣ дитяти сосредоточивается вся его жизнь какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Дитя играетъ двоякимъ образомъ: или на-единѣ, или съ другими дѣтьми. Въ первомъ случаѣ онъ упражняетъ свою мысль; во второмъ — онъ расправляетъ свои чувства. Но и

тамъ, и здѣсь онъ обращается въ области воображенія, стараясь перевести въ оную самую дѣйствительность. Здѣсь долгъ воспитателя очевиденъ. Силы воображенія для дитяти то-же, что крылья для птицы. Пока юные птенцы ваши еще не довольно оперились, берегитесь, чтобы они не упали въ своемъ полетѣ; лучше удерживайте ихъ до времени въ гнѣздѣ, пока не окрѣпнутъ ихъ мышцы. Приковывайте ихъ чаще къ дѣйствительности даже, если то нужно, узами послушанія. Первый грѣхъ человѣка зародился также въ воображеніи, и только самое паденіе совершилось уже въ дѣйствительности. То-же самое повторяется и доселѣ надъ грѣшною душею человѣка. *Кіиждо*, говоритъ апостолъ, *искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ. Таже похоть зачеши раждаетъ грѣхъ* (Іак. I, 14, 15). Въ жизни дитяти, особенно въ игрѣ его, конечно, мало мѣста для грѣха, какъ преступленія закона. Но, какъ мы уже замѣтили, сила чувства не измѣряется пространствомъ, и форма развитія души до извѣстной степени остается независимою отъ содержанія. Смотрите на жизнь дитяти, какъ на жизнь человѣка, хотя и заключенную еще въ тѣсной рамкѣ. Что за дѣло, что въ рукахъ ребенка глиняная кукла, надъ которой онъ старается испытать свои силы! Намъ нужно смотрѣть на его мысль, на его чувство, которыя выражаются въ его дѣйствіяхъ. Злость, обнаруживается-ли она въ разрушеніи благосостоянія ближняго насильственною рукою злодѣя или въ разбитой куклѣ слабою рукою младенца, имѣетъ своимъ источникомъ то-же сердце. Говорятъ: „дитя несмысленно; оно не понимаетъ.“ А развѣ сердце понимаетъ? Нѣтъ; оно только чувствуетъ, и силою чувства заставляетъ иногда молчать разсудокъ. Значитъ, и въ жизни дитяти чувство даетъ

важность каждому его дѣйствію. Но какъ вразумить дитя? Оно не пойметъ нашего языка! Да, оно не пойметъ нашихъ словъ, пока не развита въ немъ способность сочетанія мыслей въ сознаніи. Но въ немъ вложены отъ Творца гораздо вѣрнѣйшіе способы пріемлемости всякаго добра: это — способность вѣрить, любить и надѣяться. Заговорите съ нимъ языкомъ сердца, и на голосъ вашъ непремѣнно отзовется юное сердце. Не говоримъ: осыпайте дитя знаками любви при всякомъ случаѣ, какъ поступаютъ иногда неблагоразумныя матери, стараясь ласками выманить послушаніе у своего дитяти. Такая противуестественная мѣра производитъ и слѣдствія неестественныя. Дитя, дѣлаясь чувствительнымъ къ своей матери, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ вѣру къ ней: ибо, еще разъ, не думайте провести неопытное сердце; оно, еще не зная истины, уже чувствуетъ оную. Чтобы мѣры наши были дѣйствительны, надобно, чтобы онѣ были сообразны съ природою. Поступайте съ дѣтьми такъ, чтобы они твердо вѣрили въ любовь вашу къ нимъ и въ этой увѣренности необходимо находили въ васъ предметъ всѣхъ надеждъ своихъ. Пусть, во-первыхъ, голосъ любви вашей будетъ твердъ; пусть слово обѣщанія или угрозъ вашихъ будетъ растворено кротостію и спокойствіемъ. Только такимъ образомъ вы достигнете того, что дитя съ любовію будетъ бояться оскорбить васъ своимъ непослушаніемъ, и со страхомъ сыновнимъ будетъ любить васъ. Конечно, своеволіе, можно сказать, прирожденно дѣтямъ. Но его легко переломить въ самомъ началѣ тѣми-же мѣрами. Отецъ, съ любовію требующій отъ дитяти послушанія себѣ, не долженъ позволить ни на минуту преклониться своей волѣ предъ своеволіемъ неразумія. Здѣсь мѣсто самымъ сильнымъ средствамъ, такъ какъ дѣло

идетъ, въ собственномъ смыслѣ, о *переломѣ* воли заблуждающейся: дѣло идетъ о поддержаніи святаго начала вѣры въ любовь отца, а она должна восторжествовать надъ заблужденіемъ. Часто достаточно бываетъ одного подобнаго опыта твердости и непреклоннаго требованія повиновенія любящему отцу, чтобы навсегда исторгнуть съ корнемъ изъ юнаго сердца зародышъ грѣха. Счастливъ тотъ отецъ, по зову котораго дитя отрывается отъ самой занимательной игры и съ любовію спѣшитъ исполнить его приказанія! Достигнуть этого почти всегда зависитъ болѣе отъ умѣнья отца, нежели отъ такъ-называемаго послушнаго характера самого дитяти. Спокойная увѣренность въ своей власти, тонъ твердый, но не господствующій, любовь искренняя, но не изнѣженная — вотъ черты истиннаго характера отцовской власти!

Въ игрѣ дитяти съ куклами мы замѣтили пробужденіе къ дѣятельности внутренней жизни души его. Въ игрѣ съ товарищами, съ сверстниками, въ дитяти начинаютъ уже развиваться начала общественной жизни. Здѣсь оно сталкивается съ характерами, съ страстями; здѣсь оно само образуется въ характеръ. Удвоимъ же нашу наблюдательность! Будемъ слѣдить за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ нашего питомца. Но не станемъ стѣснять его свободы, чтобы не сдѣлать изъ него машины. Для сего не ограничимся только тѣмъ, чтобы удерживать дитя на каждомъ шагу отъ всего дурнаго; но постараемся усилить въ немъ добрыя начала, чтобы они управляли каждымъ шагомъ его. Не въ томъ нашъ долгъ, чтобы только удалять его отъ худаго сообщества, — это часто бываетъ невозможно, а впослѣдствіи такое столкновеніе сдѣлается даже неизбѣжнымъ; нашъ долгъ — стараться и добрый и худой примѣръ обра-

щать въ урокъ и назиданіе нашему воспитаннику. Не насильственно и не методически, но съ любовію и чистосердечіемъ будемъ направлять самыя игры дитяти съ его сверстниками къ цѣлямъ нашего воспитанія. Примѣръ дружелюбія, примѣръ искренности въ каждомъ словѣ, въ каждомъ распоряженіи воспитателя незамѣтно, но прочно возбудитъ соотвѣтственныя онымъ чувства любви и вѣры въ самомъ сердцѣ воспитанника. Не раздражайте дитя ненужными отказами, не обольщайте его пустыми обѣщаніями, и вы сохраните въ немъ священное чувство надежды неиспорченнымъ, и тѣмъ упрочите въ немъ этотъ залогъ будущаго его счастія на землѣ.

Человѣкъ, поставленный жить въ обществѣ, необходимо связанъ бываетъ условіями этой жизни. Отечество, состояніе, самыя матеріальныя средства налагаютъ на насъ свои законы, которымъ мы должны подчиняться. Поэтому, если мы хотимъ ввести нашего воспитанника въ соотвѣтственный его положенію кругъ жизни, намъ нужно теперь-же подумать о приличномъ его состоянію образованіи. Но мы уже замѣтили, что образованіе не должно смѣшивать съ воспитаніемъ. Образованіе, имѣя основаніемъ своимъ потребности жизни земной, имѣетъ и цѣлію возможное облегченіе средствъ къ достиженію временнаго благополучія. Тѣмъ не менѣе образованіе тѣсно связано съ воспитаніемъ. Если уже мы опредѣлили цѣль воспитанія приготовленіемъ человѣка къ небу, и потому дали оному характеръ чисто-христіанскій: то, очевидно, самое образованіе должно быть у насъ средствомъ къ этой цѣли, по-крайней-мѣрѣ оно должно быть таково, чтобы не противорѣчило главной цѣли воспитанія, и слѣдовательно — назначенію человѣка. Когда Господь Богъ раздаетъ таланты людямъ, то

именно съ тою цѣлію, чтобы они употребили ихъ въ дѣло, и съ лѣниваго раба взыскиваетъ за то, что онъ *не вдалъ сребро* его *торжникомъ* (Мат. XXV, 16—27). А это наводитъ насъ на мысль, что есть для людей въ жизни и такого рода назначенія, которыя хотя не относятся къ его главной цѣли въ жизни вѣчной, но за которыя онъ тѣмъ не менѣе долженъ дать отчетъ Господу своему. Поэтъ, художникъ, даже мастеровой исполняютъ свое призваніе на землѣ, если только не употребляютъ во зло своихъ дарованій, развитіемъ которыхъ они обязаны образованію. Но что можетъ предохранить ихъ отъ этого злоупотребленія? Христіанское воспитаніе. Мы уже назвали оное основаніемъ, на которомъ одномъ зиждется прочно храмина жизни каждаго. Но оно-то и есть то основаніе, на которомъ, по апостолу (1 Кор. III, 12), каждый можетъ возводить себѣ зданіе изъ золота или серебра, изъ драгоцѣнныхъ камней или изъ дерева, сѣна и соломы. Устоитъ-ли чья работа, которую кто строитъ на этомъ всегда прочномъ основаніи, противъ огненнаго искушенія житейскихъ заботъ, воспитаніе поручиться не можетъ. Но за то вѣрно то, что воспитанный по-христіански труженикъ жизни, при всѣхъ возможныхъ неудачахъ въ достиженіи цѣлей своего образованія, при всѣхъ случайныхъ потеряхъ плодовъ долгой работы надъ развитіемъ въ себѣ тѣхъ или другихъ талантовъ, *самъ спасется*, хотя-бы то какъ *изъ огня*. А это *самъ* въ устахъ апостола и есть то важное сокровище для человѣка, о которомъ и Спаситель говоритъ, что нѣтъ пользы намъ отъ всего пріобрѣтенія въ мірѣ, если только мы погубимъ нашу душу (Мат. XVI, 26). Такимъ образомъ понятно, что воспитаніе, не включая въ себѣ всецѣло образованія, должно быть по отношенію къ нему тѣмъ-же, чѣмъ

служитъ сердце человѣка по отношенію ко всѣмъ выраженіямъ его внутренней жизни. Человѣкъ свѣтскій, человѣкъ съ прекрасными манерами, съ умѣньемъ жить и обходиться съ людьми, называется и есть человѣкъ образованный. Но если при этихъ достоинствахъ въ немъ нѣтъ чувствъ, соотвѣтствующихъ его внѣшности, то онъ есть прекрасная форма безъ содержанія; и какъ часто въ самомъ свѣтѣ называютъ такихъ людей модными куклами! А между тѣмъ во всѣхъ этихъ манерахъ, во всѣхъ этихъ изящныхъ формахъ не только нѣтъ ничего предосудительнаго или противнаго христіанству, напротивъ того христіанство само предписываетъ намъ все, что только есть истиннаго, честнаго, справедливаго, чистаго, любезнаго и достохвальнаго (Филип. IV, 8). Только христіанство даетъ намъ не форму одну, но вмѣстѣ и самое содержаніе. Поэтому дѣло христіанскаго воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы устранять внѣшнія формы общественной жизни, но — чтобы приготовлять для нихъ напередъ приличное содержаніе и тѣмъ заранѣе предварять пустоту оныхъ. Научите напередъ дитя уважать искренно старшихъ себя, быть искренно любезнымъ съ каждымъ; тогда внѣшнее выраженіе этихъ чувствъ будетъ въ немъ истинно-прекрасными манерами. Конечно, и здѣсь долженъ предшествовать примѣръ самихъ воспитателей. Нѣтъ ничего пагубнѣе для юнаго сердца, какъ встрѣтиться глазъ-на-глазъ съ двуличіемъ человѣка. Мы часто не обращаемъ вниманія на дѣтей, принимая у себя со всѣмъ видимымъ радушіемъ тѣ лица, о которыхъ только передъ тѣмъ, въ присутствіи тѣхъ же дѣтей, мы позволяли себѣ отзывы неблагопріятные. Одинъ или два подобные опыта въ состояніи подорвать въ самомъ корнѣ искренность чувства въ нашихъ питом-

цахъ. Мы, конечно, не думаемъ при томъ, что такимъ образомъ мы сами разрушаемъ въ нашихъ дѣтяхъ залогъ будущаго ихъ довѣрія къ намъ самимъ, — а это неизбѣжно. Вспомнимъ только, какое адское дуновеніе загасило свѣтильникъ вѣры въ невинномъ сердцѣ Евы. Не двуличіе ли соблазнителя, по-видимому знакомаго съ закономъ Божіимъ, но въ то-же время возводящаго клевету на Законодателя? Библейскія сказанія повторяются во многихъ чертахъ своихъ надъ каждымъ изъ насъ; и еслибы мы были внимательнѣе къ нимъ, то не принуждены-бы были дознавать истину оныхъ собственнымъ, часто горькимъ, опытомъ. И дѣти также, какъ и взрослые, не изъяты отъ искушеній. Они счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что ихъ отъ паденія можетъ еще удержать рука видимая, рука воспитателя, тогда какъ мы часто въ слѣпотѣ своей не видимъ Дѣсницы, руководящей насъ. Намъ Богъ говоритъ устами своего Пророка: *не будите, яко конь или мескъ, имже нѣсть разума; браздами и уздою челюсти ихъ востягнеши, не приближающихся къ тебѣ* (Ис. XXXI, 10). Мы также должны сперва обращаться къ развивающемуся теперь разсудку нашихъ воспитанниковъ, если они увлекаются искушеніями; а потомъ, когда они не приближаются къ намъ на наши совѣты, обязаны бываемъ и на нихъ налагать *узду* строгости и *бразды* наказаній. Въ этомъ періодѣ развитія дитяти начало любви должно возводить на степень разумнаго долга, на степень *страха Божія,* который и есть *начало* всякой *премудрости* (Прит. I, 7). Теперь настаетъ время, когда мы должны раскрывать предъ его понятіями и будущую судьбу, ожидающую его какъ въ ближайшемъ времени жизни на землѣ, такъ и окончательно, тоже за недальними предѣлами гроба. На-

чало надежды, положенное, какъ сѣмя, въ душѣ человѣка, должно теперь созрѣвать въ плодъ.

Приступая теперь къ ученію нашего воспитанника, неужели мы не должны предложить себѣ важнаго вопроса: съ чего и какъ начать это ученіе! Конечно, азбука есть начало всякаго ученія, такъ же точно, какъ ариѳметика есть начало всякихъ исчисленій, какъ черченіе — начало многихъ высшихъ искусствъ. Всѣ эти начала для послѣдующихъ успѣховъ также необходимы, какъ ползанье младенца необходимо предшествуетъ его хожденію. Но какъ цѣль воспитанія не состоитъ въ образованіи только рукъ и ногъ къ дѣятельности, то и вопросъ о началѣ ученія при воспитаніи не можетъ ограничиться однимъ техническимъ приготовленіемъ дитяти къ будущей дѣятельности его. Если воспитаніе тѣлесное состоитъ въ доставленіи приличной пищи развивающемуся организму, то и воспитаніе духовное также должно заботиться о пропитаніи души, жаждущей теперь и алучщей правды. Такъ и въ Писаніи сказано, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ изходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Втор. VIII, 3. Мат. IV, 4). Значитъ, ученіе наше должно начаться съ того *единаго,* что собственно служитъ человѣку *на потребу* (Лук. X, 42). Согласно съ словами Спасителя, мы *избираемъ* этимъ самую *благую часть;* и нашъ трудъ по этому долженъ быть тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе мы сами будемъ вѣровать въ то, что эта *часть,* разъ *избранная* преимущественно предъ прочими занятіями, и приложенная къ сердцу нашего питомца средствами вѣрными, уже во вѣки *не отнимется* отъ него, но принесетъ плодъ во сто и въ пятьдесятъ разъ большій, чѣмъ всѣ вмѣстѣ сѣмена житейской мудрости. Разсматривая съ этой единственно вѣр-

ной точки зрѣнія начало ученія, мы должны на-время оставить принятой нами путь слѣдованія шагъ-за-шагомъ за развитіемъ нашего воспитанника, и это начало, какъ начало всѣхъ началъ, возвести къ началу дней его, и слѣдовательно, возвратиться назадъ именно настолько, насколько мы успѣли доселѣ уйти, слѣдя за возрастомъ нашего воспитанника. Возвратимся къ началу христіанской жизни его, — къ той святой купѣли, отъ которой мы приняли нашего возрожденнаго. Не должно остановить насъ въ этомъ даже то почти неизбѣжное недоумѣніе, какъ начинать ученіе христіанское надъ младенцемъ, еще несмысленнымъ! Христіанство, все отъ начала до конца, исполнено таинъ, намъ непостижимыхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ. Если то несомнѣнно, что по вѣрѣ воспріемниковъ нисходитъ на крещаемаго благодать возрожденія, то не удивительно, если по благочестію того-же воспріемника или родителей будетъ почивать на душѣ несмысленнаго младенца особое благоволеніе Божіе. Намъ скажутъ: все это еще мало имѣетъ отношенія къ ученію, о которомъ мы заговорили сначала. Для этого объяснимъ, что̀ мы хотимъ разумѣть подъ именемъ *ученія*.

Не правда-ли, что для изведенія изъ сѣмени извѣстнаго растенія нуженъ уходъ за нимъ? Безъ этого ухода брошенное въ землю зерно не дастъ ни цвѣта, ни плода. Но что мы дѣлаемъ для того, чтобы это сѣмя пустило корень и ростокъ, чтобы оно извело стебель и развило почку будущаго цвѣтка и потомъ плода? Доставляемъ-ли мы ему всѣ нужные для того матеріалы? Подливаемъ ли мы въ цвѣточный горшокъ и окрашивающія вещества, и благоухающіе экстракты, и сахаристыя начала, чтобы сообщить воспитываемому нами растенію и цвѣтъ, и запахъ,

и вкусъ? Нисколько. Все дѣлается безъ насъ по слову Того, Кто изрекъ изначала: *да произраститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію* (Быт. I, 11): *и бысть тако!* и есть такъ! и будетъ такъ, *во вся дни земли* (Б. VIII, 22)! Все попеченіе наше о растеніи, если оно не лишено свѣта солнечнаго и теплоты, ограничивается однимъ поливаніемъ. Но какъ для растенія, прозябающаго на свободѣ, орошеніе бываетъ двоякаго рода, или отъ дождей облачныхъ, или отъ росы земной: такъ и для младенца первое ученіе есть орошеніе небесною благодатію, низводимою на него по вѣрѣ нашей. Дитя, тотчасъ-же по выходѣ изъ купѣли возрожденія, уже запечатлѣвается помазаніемъ отъ Духа Святаго. Что совершается съ нимъ въ эту священную минуту? Намъ это непостижимо, ибо надъ нимъ совершается *таинство* мѵрономазанія. Но объ этомъ самомъ помазаніи Апостолъ говоритъ, что оно *учитъ* насъ всему, такъ что въ томъ случаѣ, когда оно *пребываетъ* на христіанинѣ во всей силѣ своей, онъ не имѣетъ нужды, чтобы кто училъ его, *яко то само помазаніе учитъ о всемъ* (1 Іоан. II, 27). Спросимъ сами себя: *пребываетъ* ли благодать этого помазанія и на дитяти, сподобившемся принять это таинство? Отрицать этого мы не смѣемъ. Она пребываетъ въ немъ, какъ сѣмя, какъ искра, какъ зародышъ будущаго развитія, для котораго нѣтъ мѣры на землѣ. Если-же это такъ, то смотрите, какими сильными средствами вооружено наше воспитаніе при самомъ исходномъ пунктѣ своемъ къ достиженію своей цѣли! Ученіе, о которомъ, говоря по-человѣчески, мы должны теперь заботиться, уже лежитъ въ душѣ, просвѣщенной христіанствомъ. Но оно лежитъ сокрыто, какъ сѣмя въ землѣ, какъ искра подъ пепломъ. Нашъ

долгъ способствовать только развитію онаго сообразно съ природою, соотвѣтственно съ началами жизни христіанской. Воспитать вѣру, возжечь любовь, возбудить надежду въ юной душѣ — вотъ главное направленіе, въ которомъ должны идти всѣ познанія чрезъ умъ въ сердце нашего воспитанника! Имѣя въ виду эту цѣль, мы не должны ограничивать себя никакимъ предѣломъ времени въ сообщеніи дитяти первыхъ понятій, первой мысли о Богѣ, о началахъ нравственности. То, что мы сказали о таинственномъ началѣ истиннаго боговѣдѣнія въ несмысленной, но богопросвѣщенной душѣ младенца, налагаетъ на насъ обязанность принять религіозное обученіе, какъ непремѣнную принадлежность самаго первоначальнаго воспитанія. И дѣйствительно, не будетъ-ли то первымъ урокомъ вѣры для младенца, когда благочестивая мать, укладывая своего питомца въ постель, осѣняетъ его благоговѣйно крестнымъ знаменіемъ? Скажетъ-ли кто, что это только выраженіе чувствъ самой матери, для младенца совершенно не осязательное? Но вспомнимъ, что сила крестнаго знаменія имѣетъ свое дѣйствіе и надъ неодушевленными вещами. Тѣмъ болѣе оно должно быть дѣйствительно надъ душею, еще чистою, еще не опороченною грѣховною наклонностію къ чувственности. Крестное знаменіе матери вѣрующей надъ несмысленнымъ младенцемъ есть для него нѣкотораго рода богослуженіе, и молитва, произносимая надъ нимъ, замѣняетъ для него пока будущее наставленіе въ вѣрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ иначе указать предѣлъ, съ котораго можно и должно начинать учить дитя богопознанію? Конечно, всякій благочестивый христіанинъ согласится съ тѣмъ, что начинать это дѣло слѣдуетъ, какъ можно, раньше. Но что можетъ

быть раньше указаннаго нами предѣла, — купѣли крещальной? За растеніемъ сколько вы ни слѣдите, вы никогда не подмѣтите момента его развитія изъ сѣмени въ ростокъ, изъ ростка въ почку и цвѣтокъ. Такъ-же точно и съ душею младенца. Нельзя себѣ представить, какъ иногда мгновенно и гораздо прежде всѣхъ нашихъ ожиданій развертывается въ немъ понятіе, или чувство религіозное. Даже замѣчательно, что это понятіе и это чувство предваряетъ въ своемъ развитіи всѣ другія. Удивительные опыты въ этомъ отношеніи были сдѣланы надъ идіотами. Эти получеловѣки, какими ихъ долго считали самые ученые и образованные люди, въ рукахъ сострадательнаго человѣколюбія, послѣ долгихъ усилій, возвращаются наконецъ мало-по-малу къ чувству человѣческаго самосознанія, и въ то время, какъ они еще не въ состояніи бываютъ отличить у себя правой руки отъ лѣвой, начинаютъ всего легче понимать ученіе о Богѣ, Творцѣ и Искупителѣ. Это — образчикъ врожденнаго чувства религіознаго. Но въ нашей жизни мы могли-бы привести тысячи примѣровъ такого-же внезапнаго развитія благодатнаго чувства вѣры. Не бойтесь указывать младенцу на небо, говорить въ слухъ его о Богѣ! Пусть онъ не пойметъ васъ въ эту минуту; но вы не знаете и не умѣете опредѣлить другой, о которой вы могли-бы сказать себѣ: вотъ минута, съ которой я могу начать внушать этому младенцу понятіе о Богѣ! Можете-ли вы уловить ту минуту, когда младенецъ начинаетъ понимать языкъ вашъ? А между тѣмъ извѣстно, что дитя понимаетъ равно всякій языкъ, на которомъ только заговорятъ съ нимъ отъ рожденія, и непремѣнно тотъ языкъ и будетъ для него роднымъ, звуки котораго отдавались въ ушахъ его, еще младенческихъ,

еще неспособныхъ различать всѣ измѣненія этихъ звуковъ. Постараемся же и мы, чтобы языкъ вѣры, языкъ боговѣдѣнія и богопочитанія сдѣлался для нашего воспитанника языкомъ роднымъ, отечественнымъ. А для этого будемъ говорить съ нимъ этимъ языкомъ отъ самой колыбели его.

Послѣ этого намъ нечего заботиться о томъ, пора или еще не пора учить ребенка вѣрѣ. Первые уроки ему даны при купѣли: первый лепетъ его освященъ уже именемъ Бога, именемъ Спасителя его, Іисуса Христа. Если за тѣмъ первыя движенія руки его употреблены на крестное знаменіе, если первая, заученая имъ, рѣчь будетъ молитва къ Богу, тогда родителямъ остается только восполнять эту немощную форму благочестія собственными усердными молитвами за дѣтей ихъ, и религіозное воспитаніе уже начато. Съ развитіемъ понятій въ дитяти раскрывается передъ нимъ цѣлое поле всестороннихъ наставленій въ вѣрѣ, — наставленій, сообразно съ его возрастомъ, и главнымъ образомъ съ послѣднею цѣлію христіанскаго воспитанія. Есть Богъ — это корень вѣры, съ которымъ человѣкъ родится на свѣтъ; есть Спаситель Іисусъ Христосъ — это сѣмя всей любви Божіей къ намъ и нашей къ Богу, положенное также благодатію въ душу возрожденнаго, но требующее, по указанію церкви, пробужденія къ жизни священнымъ долгомъ воспріемничества; есть жизнь вѣчная — это пища надежды, безъ которой невозможно возрастаніе сѣмени христіанства въ душѣ вѣрующаго. Но не подумаетъ-ли кто, какъ внушать дитяти съ младенчества о жизни вѣчной? Неужели говорить дѣтямъ о смерти? Не значитъ-ли это отравлять ихъ юную, только-что начинающуюся жизнь? О, какъ мало знаетъ дѣтей тотъ, кто такъ думаетъ!

Заговорите хотя для опыта съ дитятею о смерти, намекните ему только о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ. Съ какою радостію хватается онъ за эту мысль! Съ какимъ чувствомъ, для насъ непостижимо вѣрнымъ, смотритъ онъ въ эту безконечную даль за гробомъ! Какъ подъ-часъ зрѣло разсуждаетъ онъ о будущей участи своей и себѣ подобныхъ! Нѣтъ: это ученіе, еслибы оно не было привнесено ему отвнѣ, могло-бы также назваться прирожденнымъ ему. Но оно непремѣнно привито ему благодатію крещенія. Человѣкъ естественный не способенъ такъ смотрѣть на смерть. Не можетъ и юная душа такъ легко, такъ безъ слезъ, мечтать о необходимости лечь во гробъ, хотя-бы то и съ надеждою на вѣчную жизнь! Одно только дитя, просвѣщенное въ крещеніи Духомъ Святымъ и воспитанное въ началахъ христіанства отъ самой колыбели, можетъ такъ услаждаться мыслію о блаженномъ воскресеніи послѣ неизбѣжной смерти. Кто разсуждалъ съ дѣтьми о такихъ предметахъ, тотъ долженъ былъ замѣтить, что надежда эта въ самой еще малосмыслящей душѣ ихъ основывается на вѣрѣ, окриляемой любовію. Дитя хотя еще и не можетъ вполнѣ понять цѣну искупленія чрезъ Христа Спасителя, но за то оно имѣетъ въ себѣ слишкомъ много любви для того, чтобы вѣрить въ блаженство чрезъ Христа и со Христомъ. *Оставите,* говоритъ Самъ Спаситель, *оставите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не браните имъ, такихъ бо есть царствіе Божіе* (Мар. X, 14).

Но здѣсь справедливо будетъ спросить вмѣстѣ съ апостоломъ, какъ могутъ дѣти достойно исповѣдывать Того, въ Кого они еще не достаточно увѣровали, и какъ увѣровать имъ вполнѣ въ то, о чемъ они еще не довольно слышали? Ибо достаточно ли

того для вѣры, что дѣти слышатъ о Богѣ и Спасителѣ отъ своихъ родителей и воспитателей? И какъ могутъ они слышать больше о вѣрѣ безъ проповѣдника? и кто осмѣлится имъ проповѣдывать о всѣхъ тайнахъ Божіихъ, не бывъ посланъ на то отъ Самого Бога? (Рим. X, 14, 15). И дѣйствительно, если досихъ-поръ для дѣтей достаточно было слышать о Богѣ и дѣлахъ Его отъ своихъ ближайшихъ воспитателей, то теперь настаетъ время, когда они должны услышать обо всемъ этомъ изъ устъ проповѣдника, посланнаго на то отъ Бога. Въ этомъ новомъ способѣ религіознаго образованія настоитъ теперь существенная необходимость. Крайне ошибаются тѣ родители, которые думаютъ замѣнить для дитяти законоучителя-священника учителемъ о законѣ Божіемъ, не посвященнымъ на то своимъ званіемъ. Здѣсь не въ томъ дѣло, чтобы только сообщить дитяти всѣ необходимыя понятія о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанскихъ. Еслибы все это нужно было только *знать,* то намъ очень довольно было-бы учиться закону Божію у ученыхъ богослововъ. Но христіанство не дается однимъ знаніемъ; оно развивается изъ сердца путемъ вѣры, а для вѣры нуженъ авторитетъ. Сердце дитяти особенно разборчиво въ этомъ отношеніи, такъ какъ оно вообще воспріимчиво ко всѣмъ сильнымъ впечатлѣніямъ. Кто слыхалъ когда-либо, чтобы дѣти боялись матери больше отца? Это рѣшительно невозможно вслѣдствіе самыхъ естественныхъ отношеній отца семейства ко всему его окружающему въ домѣ. Дитя, еще не понимая всего, вживается въ ту мысль, что отецъ семейства есть вмѣстѣ и глава семейства, отъ которой зависитъ рѣшеніе всего, въ которой сосредоточиваются и радости и горе, и счастіе и бѣдствія этого малаго міра, въ которомъ теперь заключена

жизнь младенца. Отецъ для него есть безотчетный, но тѣмъ не менѣе осязательный образъ власти. Отъ того и почтеніе дѣтей къ отцу, отъ того и страхъ къ нему (дай Богъ, чтобы всегда сыновній!). Перенесемъ теперь эти чувства дитяти на лице духовное, на лице служителя церкви, котораго дитя привыкло видѣть съ младенчества въ храмѣ Божіемъ окруженнымъ святостію богослуженія. Какое чувство почтенія, даже благоговѣнія должно имѣть благовоспитанное дитя къ этому освященному лицу! Съ какимъ невольнымъ уваженіемъ должно оно слушать изъ устъ его слово ученія, слово проповѣди о Богѣ! Евангелистъ Маркъ замѣчаетъ, что Іудеи съ удивленіемъ слушали проповѣдь Іисуса Христа именно потому, что Онъ училъ ихъ, какъ *власть имѣющій*, а не какъ книжники (Мар. I, 22 ср. Мат. VII, 29). Чувство это естественно каждому человѣку. Одно и то-же слово ложится на наше сердце другимъ образомъ, когда оно исходитъ отъ лица нами уважаемаго, чѣмъ когда мы слышимъ оное отъ человѣка, не имѣющаго на насъ никакого вліянія. Въ глазахъ дитяти много значитъ самая наружность священника, отдѣляющая его отъ прочихъ людей. Самое названіе *духовнаго отца* заставляетъ видѣть въ пастырѣ церкви не простое лице, но попечителя о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. И потому, если хотите, чтобы воспитанникъ вашъ съ перваго разу могъ понять всю важность получаемаго имъ отъ законоучителя наставленія въ вѣрѣ, не дѣлайте для него изъ этого ученія такъ называемыхъ *уроковъ* закона Божія, не поставляйте этого святаго для него дѣла на-ряду съ прочими его занятіями учебными. Плохой то знакъ, когда дитя переходитъ отъ уроковъ географіи къ закону Божію съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ оно пере-

ходитъ отъ грамматики къ исторіи, отъ исторіи къ математикѣ. Вѣроученіе должно быть для него не обыкновеннымъ занятіемъ, но нѣкотораго рода богослуженіемъ, и самое преподаваніе закона Божія не урокомъ, но собесѣдованіемъ. Для сего необходимо каждый такой урокъ начинать и оканчивать молитвою. Будетъ время, когда съ возрастомъ потребуется болѣе положительное знаніе догматовъ вѣры. Тогда нужно будетъ изучать самыя основанія оныхъ, и на этой степени вѣра у насъ дѣлается по праву предметомъ науки. Но теперь мы имѣемъ дѣло съ юнымъ воспитанникомъ, который, возросши въ правилахъ вѣры христіанской, въ первый разъ получаетъ объясненіе вѣры изъ устъ служителя вѣры. Не о томъ должны мы заботиться, отдавая дитя въ руки законоучителя, чтобы оно могло отвѣчать намъ правильно на всѣ вопросы катихизическіе. Еще не-время приводить въ порядокъ понятія дитяти о предметахъ вѣры. Постараемся напередъ внушить ему благоговѣніе къ самому предмету. Для этого полезно бываетъ иногда даже не давать подумать дитяти, что мы хотимъ отъ него только знанія предметовъ вѣры. Довольно, если оно почувствуетъ напередъ всю важность этого знанія. Пусть дитя съ первыхъ словъ законоучителя пойметъ, что съ нимъ говорятъ теперь о предметахъ, имѣющихъ вліяніе на всю жизнь его, на его нескончаемую будущность за предѣлами гроба. Несправедливо думать, чтобы дитя, изучивши вѣру сердцемъ, не по системѣ, но въ свободныхъ собесѣдованіяхъ съ духовнымъ отцемъ своимъ, чтобы такое дитя не въ состояніи было отвѣчать на вопросы о главнѣйшихъ предметахъ вѣры. Напротивъ, приговленное такимъ способомъ дитя будетъ смотрѣть послѣ на самый

катихизисъ съ благоговѣніемъ, а не какъ на ариѳметику или географію. Для него будетъ тогда эта книга не простымъ учебникомъ, а сокровищницею его сердечныхъ вѣрованій. Не много пользы отъ того, если дитя будетъ только знать, что катихизисъ раздѣляется на три части, изъ которыхъ въ одной говорится о вѣрѣ, въ другой о любви, въ третьей о надеждѣ. Эти три предмета обнимаютъ собою всю жизнь человѣка отъ начала ея до безконечности; и потому нужно, чтобы дитя могло чувствовать вполнѣ значеніе этихъ трехъ двигателей его сердца, чтобы въ глазахъ его это не было картиною, на которую оно можетъ смотрѣть со стороны, но въ которой само не участвуетъ цѣлою своею жизнію.

Но еще, можетъ быть, спросятъ: когда, на которомъ году дитя должно начинать учиться закону Божію отъ священника? Строго опредѣлить срокъ для сего нельзя. Начало это много зависитъ отъ степени развитія дитяти. Но если нужно и для сего правило (а оно дѣйствительно нужно для избѣжанія часто неправильныхъ сужденій о степени развитія понятій въ дѣтяхъ), то оно намъ указано самою церковію. Правило это опредѣляетъ отроческій періодъ считать съ семилѣтняго возраста. Первая исповѣдь отрока должна быть первымъ испытаніемъ его вѣры передъ Богомъ; и потому начало законоученія должно, если и не задолго, непремѣнно предшествовать первой исповѣди. Для юнаго сердца первая исповѣдь должна служить указаніемъ, что теперь настаетъ для него время самостоятельнаго вѣрованія съ отвѣственностію передъ Богомъ. Являясь теперь на судъ церкви съ своими еще малыми грѣхами, отрокъ-христіанинъ въ первый разъ даетъ самъ за себя отчетъ Богу. Здѣсь онъ встрѣчается

лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію вѣры, о которой доселѣ зналъ только по разсказамъ отъ другихъ. Весьма важно достойно приготовить дитя къ такому великому для него дѣлу, какова первая исповѣдь. Часто это рѣшаетъ навсегда участь всѣхъ послѣдующихъ его исповѣданій. Воспитаніе не должно упустить изъ виду такого важнаго дѣла, иначе оно лишитъ себя одного изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ достиженію своей цѣли. Нѣтъ нужды оправдываться въ томъ, что мы самыя святыя таинства причисляемъ къ средствамъ воспитанія. Если правильное, христіанское воспитаніе есть путь ко спасенію, то таинства должны быть средствами къ достиженію этой цѣли. И потому мы обратимся теперь къ самому важнѣйшему изъ таинствъ — Причащенію Тѣла и Крови Господнихъ, и постараемся указать въ ономъ вѣнецъ всѣхъ средствъ воспитанія христіанскаго.

Не станемъ говорить здѣсь о дѣйствіяхъ сего великаго таинства на душу младенца, сподобляющагося причащаться онаго отъ самаго крещенія. Дѣйствія эти для нашей вѣры несомнѣнны, не смотря на то, что образъ ихъ намъ непостижимъ и таинственъ. До-сихъ-поръ дитя было приносимо и приводимо ко Христу вѣрою родителей, и по вѣрѣ ихъ сподоблялось получать благодѣтельные плоды отъ сего таинства. Теперь, когда младенецъ взросъ въ отрока, онъ идетъ самъ на соединеніе съ своимъ Спасителемъ. Увеличится-ли отъ того для него благодать, получаемая въ семъ таинствѣ, мы не изслѣдуемъ; напротивъ, мы вѣруемъ, что благодать таинства въ томъ и другомъ случаѣ одинакова. Намъ, какъ воспитателямъ и, по долгу воспріемничества, даже отвѣтчикамъ за нашего питомца, важно

то, съ какими чувствами и мыслями приступаетъ онъ къ первому своему причащенію, какъ христіанинъ самостоятельный. Многознаменательныя слова Апостола: *ядый и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ*, должны быть теперь извѣстны и изъяснены дитяти. Теперь въ первый разъ ставится на пробу все зданіе духовной его жизни, которое созидать мы ему помогали доселѣ всѣми средствами, бывшими въ нашихъ рукахъ. Всѣ три начала христіанской жизни должны теперь выразиться въ дѣйствительности. Здѣсь проба его вѣрѣ: ибо онъ идетъ теперь, если можно такъ сказать, на свиданіе съ Невидимымъ. Здѣсь испытаніе его любви: ибо ему предстоитъ пройти чрезъ судилище совѣсти къ Источнику всякой любви. Здѣсь наконецъ упражненіе и его надеждѣ: ибо его ожидаетъ, кромѣ блаженства соединенія со Христомъ въ самомъ таинствѣ, обильная благодать, истекающая отъ достойнаго участія въ этомъ единеніи. И такъ, возмемся со всею ревностію души вѣрующей, со всѣмъ жаромъ сердца любящаго и съ спокойнымъ чувствомъ надежды на успѣхъ, за приготовленіе нашего воспитанника къ достойному принятію перваго для него самостоятельнаго причащенія. Раскроемъ теперь передъ нимъ, во-первыхъ, историческую картину жизни человѣка отъ начала его сотворенія и его паденія до спасенія его Сыномъ Божіимъ. За тѣмъ дадимъ ему почувствовать всю силу любви Божіей ко всѣмъ намъ. Пусть въ особенности онъ почувствуетъ весь смыслъ словъ молитвы предъ причащеніемъ: „вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь *азъ*“. Пусть все страданіе Іисуса Христа представится живо его воображенію, какъ

дѣло совершенное не для всѣхъ только вообще, но и за него и для него, еще юнаго грѣшника. Когда дитя довольно пойметъ и восчувствуетъ всю истину нашихъ словъ, обрадуемъ его наконецъ мыслію, какъ все, потерянное человѣкомъ въ Раю, онъ найдетъ теперь опять въ этомъ святомъ таинствѣ, и какъ всѣ грѣхи и оскорбленія Бога омоются и примирятся любовію къ намъ Того, Кто пролилъ кровь Свою для умилостивленія разгнѣваннаго правосудія Божія. Не нужно много словъ для того, чтобы сдѣлать все это понятнымъ для юнаго сердца. При развитыхъ началахъ, вложенныхъ въ него Самимъ Богомъ, дитя пойметъ насъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ наговориться о столь великомъ предметѣ; а понявъ насъ, оно само придетъ къ мысли о своемъ недостоинствѣ. Не можетъ быть, чтобы сердце, настроенное къ святымъ ощущеніямъ, не возмутилось при сознаніи своихъ недостатковъ. Правда, дитя еще не въ состояніи бываетъ облечь этихъ чувствъ въ опредѣленные образы; но здѣсь-то и мѣсто помощи со стороны воспитателей. Доселѣ, говоря о различныхъ способахъ и средствахъ воспитанія, мы еще ни разу не указали, какимъ образомъ можно *искоренять* пороки и недостатки въ дѣтяхъ; но это именно потому, что лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и самымъ надежнымъ средствомъ къ тому можетъ служить только достойное приготовленіе дѣтей къ принятію святыхъ таинствъ Покаянія и Причащенія. Воспрепятствовать развитію извѣстнаго порока бываетъ нужно немедленно; наказать за извѣстное преступленіе вовремя можетъ быть очень полезно. Но истребить въ дитяти наклонность къ пороку и предупредить, можетъ быть, навсегда преступленіе законовъ воспитанія можно только въ эти торжественныя минуты,

когда предстоящее ему соединеніе съ Богомъ отрываетъ дитя, такъ сказать, отъ цѣпи его вседневной жизни и поставляетъ оное въ новый для него, но тѣмъ не менѣе родной душѣ его, міръ священной таинственности. Воспитателю, слѣдовавшему за своимъ воспитанникомъ отъ самой колыбели, не трудно было замѣтить въ продолженіе сего времени особенно дурныя наклонности въ душѣ своего питомца. Пусть же теперь, подъ вліяніемъ святыхъ чувствъ, возбужденныхъ въ сердцѣ дитяти благоразумнымъ приготовленіемъ къ исповѣди и причащенію, онъ раскроетъ эти зародыши зла предъ глазами своего питомца и, показавъ ему всю нагубу этого зла, внушитъ ему вмѣстѣ съ раскаяніемъ и желаніе освободиться отъ онаго. Возбужденное сознаніе принесетъ свой плодъ; остальное довершитъ таинственная благодать. О, еслибы такое достойное принятіе святаго Причащенія послѣ первой исповѣди могло сдѣлаться для дитяти первою ступенью по лѣствицѣ послѣдующихъ причащеній его прямо къ небу! Тогда воспитаніе разрѣшило-бы вполнѣ свою задачу. Тогда намъ оставалось-бы только радоваться, смотря на нашего питомца, какъ онъ восходилъ-бы вмѣстѣ съ лѣтами въ любви къ Богу и ближнимъ, какъ возлеталъ бы онъ выше и выше на крылахъ надежды въ небо!

По принятому порядку воспитанія, намъ слѣдовало бы теперь сопровождать нашего воспитанника изъ дома родительскаго въ школу. Но мы не сдѣлаемъ этого, и именно потому, что наши школы для юнаго возраста большею частію суть вмѣстѣ и воспитательныя заведенія. Посему все то, что доселѣ было говорено о домашнемъ воспитаніи, во всей силѣ приложимо и въ школьной жизни нашего питомца. Одного только можно пожелать, въ пользу

нашихъ началъ воспитанія, чтобы дѣти, находясь въ заведеніяхъ, не слишкомъ отчуждались отъ семейства. То неоспоримо, что воспитательное заведеніе, принимая въ нѣдра свои дитя изъ рукъ родителей, беретъ на себя всю отвѣтственность за его воспитаніе, и не рѣдко принуждено бываетъ удалять своего воспитанника отъ вредныхъ вліяній, которымъ онъ можетъ подвергаться за стѣнами заведенія. Но, мимо этой благоразуммой предосторожности, мы не можемъ не видѣть, съ другой стороны, и пагубнаго вліянія, которое можетъ произвести на юное сердце совершенное отчужденіе онаго отъ семейства. Спартанцы въ свое время напали на мысль разорвать семейныя связи дѣтей съ родителями съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ гражданъ своего идеальнаго общества. Но они обманулись въ своихъ разсчетахъ, не размысливъ, что государство безъ семейства есть воздушный замокъ. Любовь къ отечеству есть священный огонь, жертвенникомъ которому служитъ семейный очагъ. Пролетарій и всесвѣтный гражданинъ — слова однозначущія. Оторвите человѣка отъ семьи его, и онъ зачерствѣетъ въ своихъ чувствахъ, если только могучій долгъ не закалитъ его твердости въ лишеніи этого перваго блага въ жизни. Но сей послѣдній случай возможенъ только въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда человѣкъ, совершивъ свое воспитаніе, дѣлается самостоятельнымъ распорядителемъ своихъ убѣжденій. Но пока сердце юно, пока оно живетъ чувствомъ и нуждается въ немъ для своей жизни, оно нигдѣ не можетъ найти себѣ пищи, какъ только въ тѣсномъ кругу семейныхъ связей. Въ школѣ дитя естественнымъ образомъ не можетъ найти удовлетворенія для всѣхъ потребностей своего сердца. Любовь воспитателей не можетъ замѣнить ему любви

родительской; дружба товарищей не въ состояніи заставить его забыть любовь братскую. Тамъ онъ можетъ быть окруженъ всѣми удобствами жизни, всѣми забавами, свойственными его возрасту; но, влекомый силою привычки, а еще болѣе управляемый естественнымъ влеченіемъ, онъ охотно промѣняетъ всѣ пріятности этой жизни на тихое пребываніе въ домѣ родительскомъ. Отъ чего такъ? Отъ того, что здѣсь онъ на родной почвѣ, а школа для него парникъ. Здѣсь онъ дома сердцемъ; тамъ его домъ по долгу. Развитіе сердца въ одномъ только направленіи чувства было-бы, конечно, слишкомъ односторонне; но и развитіе одного сознанія долга было-бы очень недостаточно. Поэтому, какъ одно воспитаніе домашнее не можетъ приготовить человѣка ко всѣмъ случайностямъ жизни, такъ и исключительно школьное можетъ быть вредно во многихъ приложеніяхъ къ жизни. Въ первомъ случаѣ человѣкъ выноситъ съ собою изъ дома узкіе взгляды на міръ и часто даже предразудки на счетъ общества; въ послѣднемъ онъ дѣлается неспособнымъ понимать подробности житейскаго быта, часто важныя въ общемъ ходѣ дѣлъ человѣческихъ. Одно только соединеніе этихъ двухъ воспитаній въ одно можетъ произвести правильное развитіе ума и сердца въ человѣкѣ. Кто провелъ лучшіе годы своей жизни въ школьномъ затворничествѣ, въ удаленіи отъ радостей семейныхъ, тотъ на всю жизнь свою выноситъ оттуда очерствленіе чувствъ; равно какъ, кто не испыталъ пріятностей школьнаго товарищества, проживъ годы юности въ семейномъ кругу, тотъ является на свѣтъ съ неопытностію рекрута, выступающаго на поле брани. Самыя святыя чувства вѣры получаютъ другія формы отъ исключительности

того или другаго рода воспитанія. Между тѣмъ какъ, въ одномъ случаѣ, теплыя ощущенія всего религіознаго отъ постояннаго возбужденія переходятъ нерѣдко въ чрезмѣрную набожность или религіозную сентиментальность, въ другомъ — отъ привычки къ порядку и долгу они принимаютъ оттѣнокъ холодной строгости или же пугливой совѣстливости въ исполненіи. Впрочемъ, всѣ эти крайности могутъ быть легко избѣгнуты при благоразумномъ устройствѣ самой исключительно-школьной жизни. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы воспитатели и наставники понимали свой долгъ, какъ слѣдуетъ. Если они не забудутъ ни на одну минуту, что воспитываемое ими дитя есть главная цѣль ихъ жизни и дѣятельности на поприщѣ ихъ службы, если передъ ихъ глазами будетъ постоянно отвѣтственность за это дѣло предъ Богомъ, совѣстію и отечествомъ, мы можемъ быть спокойны на счетъ нашихъ дѣтей и въ школахъ. По-крайней-мѣрѣ въ нашихъ образцовыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ мы можемъ быть безопасны за нашего питомца. Мы можемъ быть увѣрены, что здѣсь самосознаніе его разовьется правильнымъ образомъ и породитъ въ немъ чувство смиренной покорности высшему авторитету, во-первыхъ божескому, а за тѣмъ и человѣческому. Тѣсный кругъ его отношеній въ стѣнахъ заведенія, при отеческой заботливости объ немъ начальниковъ, укрѣпитъ въ немъ чувство любви къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ближнимъ. Хорошо понятое имъ самимъ назначеніе его настоящаго переходнаго положенія должно укрѣпить въ немъ надежду на счастливую будущность сперва на землѣ, а потомъ и на небѣ. Такимъ образомъ, три основныя начала христіанской жизни получатъ здѣсь новое развитіе, за которымъ непо-

средственно долженъ послѣдовать періодъ созрѣванія оныхъ въ плодъ.

Послѣ этого мы выпускаемъ нашего воспитанника на свободу. Теперь онъ дѣлается гражданиномъ въ обществѣ соотчитей, самостоятельнымъ дѣлателемъ на поприщѣ жизни. Но, предоставляя его себѣ самому, мы напомнимъ ему слова Спасителя, въ которыхъ такъ ясно говорится, въ чемъ состоитъ наша истинная свобода. Когда многіе увѣровали въ Іисуса Христа, то Онъ, отпуская ихъ отъ Себя, сказалъ: *аще вы пребудете въ словесѣ Моемъ, воистину ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ васъ* (Іоан. VIII, 31, 32). Отсюда видно, что человѣкъ только тогда можетъ быть свободенъ, только тогда безопасенъ въ своихъ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, если онъ будетъ пребывать въ истинномъ разумѣніи ученія Христова: ибо всякій, творящій грѣхъ, т. е. всякій уклоняющійся отъ прямаго пути истины, указаннаго Іисусомъ Христомъ, *есть рабъ грѣха* (34). Жалкое было-бы то самообольщеніе, еслибы молодой человѣкъ, воспитанный въ правилахъ христіанства, вздумалъ положиться на свои силы въ борьбѣ съ врагами души своей. Не должно забывать, что хотя мы и спасены отъ грѣха, проклятія и смерти, но спасены *въ надеждѣ* (Рим. VIII, 24), и что торжество побѣды надъ врагами души нашей и нашего тѣла настанетъ только тогда, когда *все покорено* будетъ Сыну (1 Кор. XV, 27) и когда истребится и послѣдній врагъ нашъ — *смерть* (26). А до-тѣхъ-поръ мы состоимъ пока на службѣ въ воинствѣ Христовомъ. „Я лоза“, говоритъ нашъ Спаситель, „а вы вѣтви. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“ (Іоан. XV, 5. 4). Оторваться отъ

этой лозы — значитъ самому себя осудить на сожженіе, какъ вѣтвь безжизненную и сухую: думать же приносить плоды, не бывъ на этомъ корнѣ, значитъ — хотѣть измѣнить законъ природы, по которому „не собираютъ смоквъ съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника“ (Лук. VI, 44). Жизнь въ мірѣ и для христіанина есть хожденіе по волнамъ; и блаженъ только тотъ, кому по первому крику о помощи въ опасности погруженія въ этихъ волнахъ, какъ Петру, протянетъ руку Спаситель Христосъ (Мат. XIV, 31)! Пусть каждый изъ воспитанниковъ заранѣе пріобрѣтетъ то спасительное убѣжденіе, что любовь Христова превышаетъ всякое знаніе и всякій разумъ (Еф. III, 19). Пусть еще прежде выхода изъ школы онъ познаетъ и увѣруетъ, что слѣдовать за Христомъ — значитъ идти прямо ко Отцу Его и Отцу нашему, въ дому Котораго *обители многи суть.* Пусть это убѣжденіе и это вѣрованіе укоренятся въ его сердцѣ, а не въ умѣ только: ибо о томъ сказано, что *не запнутся стопы его,* у коего *законъ Бога его въ сердцѣ* (Псал. XXXVI, 31). Съ этимъ запасомъ сокровища человѣкъ, какъ богатый капиталистъ, смѣло можетъ смотрѣть въ глаза всѣмъ случайностямъ его предпріятій. Съ этою силою въ душѣ пусть выходитъ онъ съ Богомъ *на дѣло свое и на дѣланіе даже до вечера* своей жизни. Какъ почетный гражданинъ неба, онъ свободенъ будетъ отъ тяжкихъ налоговъ житейской суеты. Какъ вооруженный воинъ Христовъ, онъ безопасенъ отъ нечаянныхъ нападеній злоумышленниковъ, *ищущихъ пояти душу его и свести во адъ живу.* Какъ вѣрный рабъ своего владыки, онъ всегда пребудетъ *въ радости Господа своего.*

Окончивъ наше изслѣдованіе о воспитаніи, оглянемся назадъ и спросимъ самихъ себя, достаточно-ли мы показали, что одно только христіанство даетъ ему силу и значеніе дѣйствительнаго средства къ достиженію главной цѣли? Мы разсмотрѣли назначеніе человѣка, какъ существа свободно-разумнаго; мы старались вникнуть въ естественное устройство этого творенія Божія. И въ томъ и въ другомъ отношеніи результатомъ нашихъ размышленій было то, что одно христіанство удовлетворяетъ прямымъ потребностямъ человѣческой природы: ибо, если вопросъ о назначеніи бытія человѣка неразрѣшимъ безъ условія продолженія его жизни въ вѣчности, то очевидно, что стремленіе къ этой жизни должно быть главнымъ его долгомъ на землѣ. А какъ *животъ вѣчный* данъ намъ чрезъ Іисуса Христа (1 Іоан. V, 11) и во Христѣ (Іоан I, 4), то также очевидно, что достигать жизни вѣчной и быть христіаниномъ, то есть, *вѣровать во Христа и слова Его соблюдать* — есть одно и то-же. Поэтому, кто не воспитанъ по-христіански, тотъ лишенъ возможности достигнуть своего существеннаго назначенія, указаннаго человѣку рукою Творца въ его собственной природѣ. Лишенный христіанскаго воспитанія неспособенъ вполнѣ достигнуть своего и земнаго назначенія. Ибо къ чему назначенъ человѣкъ на землѣ? Къ развитію силъ своихъ, къ образованію вложенныхъ въ него талантовъ, къ дѣлу служенія своимъ собратіямъ. Но осуществленіе этого назначенія вполнѣ возможно только для христіанина, такъ какъ одинъ только онъ, какъ истинный *человѣкъ Божій*, можетъ быть, *совершенъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 17). Мы не должны забывать, что говоритъ апостолъ Павелъ объ искупленіи нашемъ чрезъ Христа. „Мы,

учитъ Онъ, Его твореніе, созданное во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ, чтобы мы ихъ исполняли". (Еф. II, 10). Стало быть, самое земное назначеніе наше, наши *добрыя дѣла,* указаны намъ также во Христѣ Іисусѣ, въ которомъ мы чрезъ крещеніе дѣлаемся *новою тварію.* И какъ глубоко объясняется у апостола эта потребность соединенія со Христомъ для жизни человѣка! Со времени распаденія внутренняго единства въ человѣкѣ чрезъ грѣхъ, правильное развитіе природы человѣческой сдѣлалось невозможнымъ. Плоть похотствуетъ теперь на духъ, и духъ, бодрый по природѣ, преклоняется предъ закономъ плоти, противовоюющимъ закону ума. Отъ того и борьба внутри человѣка; отъ того и вся жизнь его есть борьба. И только тогда, какъ Христосъ, *миръ нашъ*, соединившій изъ обоихъ одно, разрушилъ эту вражду, человѣкъ снова почувствовалъ внутри себя миръ. Согласіе разъединенной природы человѣческой возстановлено въ вочеловѣчившемся Сынѣ Божіемъ, который въ себѣ самомъ создалъ новаго человѣка (Еф. II, 15). Посему-то, чтобы доставить человѣку возможность дѣйствовать въ жизни сообразно съ законами возстановленной природы его, воспитаніе христіанское должно внимать Слову Божію, торжественно воспѣваемому при крещеніи: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Христосъ оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его (1 Петр. II, 21). Будемъ же уподобляться Ему, и мы станемъ *истинными человѣками* на землѣ.

Намъ остается еще сказать одно слово въ предупрежденіе той мысли, не будетъ ли воспитаніе наше слишкомъ односторонне? Не забываемъ ли мы изъ за вѣчной жизни, къ которой, конечно, назначенъ

человѣкъ, его жизнь временную, которая также имѣетъ полное право на нашу заботливость! Но отвѣтъ на это данъ уже отчасти въ нашемъ изложеніи христіанскаго воспитанія. Мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, что образованіе, имѣя предметомъ развитіе способностей въ человѣкѣ, есть только средство въ составѣ воспитанія христіанскаго, которое имѣетъ предметомъ своимъ самаго человѣка со всѣми его силами. Въ тѣлесномъ воспитаніи каждый членъ чрезъ упражненіе получаетъ свойственное себѣ развитіе; но достоинство и польза этого развитія вполнѣ зависятъ отъ приложенія онаго къ дѣятельности. Такъ и въ нравственномъ воспитаніи каждая отдѣльная способность получаетъ свое достоинство не отъ той или другой степени образованія своего, но отъ того или другаго способа приложенія оной къ жизни. Атлетъ съ развитыми мускулами, съ ловкостію движенія во всѣхъ членахъ, можетъ также хорошо быть защитникомъ правды и любви, какъ и притѣснителемъ слабости и невинности. Мудрецъ или художникъ можетъ употребить свои таланты и на прославленіе Бога или на пользу ближняго, какъ и на оскорбленіе вѣры или нравственности. Человѣкъ есть существо свободное. Волѣ его предоставленъ выборъ между добромъ и зломъ. Одинъ разумъ могъ бы доказать ему преимущество одного направленія предъ другимъ. Но Откровеніе, подтверждаемое свидѣтельствомъ опыта, говоритъ намъ, что человѣкъ ниспалъ изъ своего первобытнаго состоянія, въ которомъ разумъ управлялъ его свободою. Наклонность ко злу осталась въ немъ слѣдомъ первобытнаго грѣха и по возрожденіи. Повернуть это неправильное стремленіе ко злу въ сторону противную, въ сторону добра, и есть главная задача воспитанія. Но какое другое воспи-

таніе, кромѣ христіанскаго, въ состояніи не только направить волю человѣка въ эту сторону добра, но даже указать самый путь къ нему! Одинъ Іисусъ Христосъ могъ сказать о себѣ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). Послѣ этого искать-ли намъ другаго пути жизни? А воспитывать, какъ мы сказали съ самаго начала, должно *для жизни*. И всѣ, какъ мы также замѣтили, согласны съ этимъ; слѣдовательно всѣ напередъ признаютъ за истину, что самое естественное воспитаніе для человѣка есть воспитаніе христіанское, воспитаніе для неба, для жизни вѣчной. Припомнимъ, что завѣщалъ намъ Спаситель. Онъ завѣщалъ намъ слѣдующее: *будите совершенни, якоже отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. V, 48). Можетъ ли человѣкъ самъ собою исполнить это требованіе? А это, конечно, есть *требованіе* и для насъ; иначе зачѣмъ-бы оно было произнесено во услышаніе всего міра! Нѣтъ; безъ особой, чрезвычайной помощи мы никогда бы не были въ состояніи даже приблизиться къ этому идеалу святости. Но за тѣмъ-то и пришелъ въ міръ самъ Сынъ Божій, чтобы даровать намъ чрезмѣрную силу благодати (Іоан I, 16), съ помощію которой мы можемъ быть святы уже и на землѣ, и возрастать здѣсь отъ славы въ славу, пока не достигнемъ мѣры возраста и исполненія Христова. Въ единеніи со Христомъ мы, не смотря на нашу естественную слабость, не смотря на склонность ко грѣху, не упадаемъ духомъ предъ столь великимъ требованіемъ совершенства, но *гонимъ правду*, какъ говоритъ апостолъ, бѣжимъ, падаемъ и встаемъ, и опять бѣжимъ, пока не достигнемъ.

Сколько утѣшенія лежитъ въ этомъ истинномъ направленіи человѣческой жизни и для раскаявающагося сердца грѣшника и для неутомимаго труженика

добродѣтели! „Если и небеса падутъ на него, добродѣтельный не подвижется!“ Такъ говорилъ язычникъ; но то былъ голосъ слѣпаго отчаянія. *Гдѣ ти, смерте, жало! гдѣ ти, адо, побѣда!* вотъ истинно торжественный кликъ побѣды вѣрующаго христіанина! Вѣра въ Іисуса Христа освобождаетъ отъ всякаго страха и боязни, отъ всякаго малодушія и отчаянія. Она даетъ бодрость и силу къ преодолѣнію всѣхъ трудностей жизни, мужество и храбрость при встрѣчѣ съ опасностями, твердость и непоколебимость въ перенесеніи несчастій. И эти-ли блага замѣнить намъ чѣмъ другимъ въ жизни? Можно-ли еще къ чему лучшему воспитывать человѣка, какъ къ твердости въ вѣрѣ, къ теплотѣ любви и къ полнотѣ надежды? Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ: „когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, по-младенчески мыслилъ, по-младенчески разсуждалъ; а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ сквозь тусклое стекло, гадательно; тогда-же лицемъ къ лицу. Теперь я знаю отчасти; тогда-же познаю, подобно какъ и познанъ. А теперь пребываютъ *сіи три: вѣра, надежда, любовь*“ (1 Кор. XIII, 12, 13). Будетъ время, когда и мы, узрѣвъ истину лицемъ къ лицу, поймемъ ясно, а не гадательно, какъ теперь, что эти *три* составляютъ основаніе нашей жизни, какъ временной, такъ и вѣчной, и что нѣтъ и не можетъ быть другихъ основаній для воспитанія человѣка на землѣ, кромѣ положенныхъ самимъ Богомъ, т. е., вѣры, любви и надежды. Тогда, оглянувшись назадъ на пройденный нами путь жизни, мы ясно увидимъ, что изъ всѣхъ распутій, по которымъ блуждаетъ родъ человѣческій, одинъ только и есть *прямой путь* къ небу, къ блаженной жизни въ вѣчности. Этотъ путь, начинаясь христіанскимъ воспитаніемъ, идетъ

узкою тропою по обширной юдоли земной жизни, пока наконецъ не достигаетъ тесныхъ вратъ царства небеснаго. Здѣсь предъ глазами утомленнаго странника вдругъ раскрывается обширная, нескончаемая область блаженства, для наслажденія коимъ требуется особая воспріимчивость. Для неприготовленнаго къ тому оно не достижимо при самой близости къ нему, и неудобоосязательно среди самаго обладанія. Тамъ сіяетъ во всей славѣ своей солнце правды и нужно, чтобы око души нашей пріучилось напередъ сквозь тусклое стекло вѣры взирать на оное изъ глубины туманной области земной жизни, дабы тамъ, въ высшихъ областяхъ свѣта, выносить блескъ этого источника свѣта и радости вѣчной. За этимъ предѣломъ жизни, раздѣляющимъ вѣчность отъ времени, повязка вѣры спадаетъ съ очей подвижника земнаго странствованія, и онъ въ восторгѣ погружается въ созерцаніе Вѣчной Истины. Въ вѣчномъ царствіи Божіемъ ожидаетъ человѣка неизмѣримое и необъятное сокровище всѣхъ благъ премудрости, всемогущества и благости Творца его. Величіе этого блаженства могло-бы, такъ-сказать, подавить собою самое существо души человѣческой, если бы она напередъ не была разширена для воспріемлемости этого наслажденія силою надежды. Съ другой стороны, самая надежда только-бы истомила духъ человѣка этимъ ненасыщеннымъ стремленіемъ къ блаженству, если бы на самомъ порогѣ вѣчности не встрѣтила себѣ болѣе, нежели полнаго, удовлетворенія. Такимъ образомъ вѣра и надежда вводятъ человѣка въ міръ пренебесный готовымъ наслѣдовать царствіе, уготованное ему отъ сложенія міра, какъ благословенному въ крещеніи отъ Отца небеснаго званіемъ сына и наслѣдника его (Рим. VIII, 17). Здѣсь оставляютъ человѣка эти два водителя,

какъ исполнившіе долгъ свой и достигшіе своей цѣли. Остается съ нимъ одна любовь, которая не престаетъ и въ вѣчности (1 Кор. XIII, 8), — это чувство сердца, эта жизнь души, это блаженство всего существа человѣка. Но что было-бы, еслибы и это святое начало не было развито въ немъ на землѣ? Человѣкъ походилъ-бы тогда на погруженнаго въ море блаженства безъ возможности наслаждаться онымъ, безъ силъ совладѣть съ величіемъ своего положенія. Напротивъ того, съ развитою жаждою любви, духъ человѣка только болѣе и болѣе будетъ стремиться къ умноженію своего блаженства, черпая оное неизмѣримою мѣрою изъ неизчерпаемаго источника любви, или, что то-же, самого Бога.

Такъ-то *три сія: вѣра, надежда и любовь* составляютъ начало, сердства и конецъ нашего истиннаго блаженства! Путь, по которому эти три источника жизни соединяются въ одну эдемскую „чистую рѣку, свѣтлую, какъ кристалъ, текущую отъ престола Бога и Агнца“ (Анок. XXII, 1), есть христіанское воспитаніе, ведущее человѣка по землѣ въ небо. Послѣ этого не есть-ли это воспитаніе единое истинное, единое ведущее ко спасенію и блаженству!

LIBRARY OF CONGRESS
0 011 293 765 1